

341
б-69

О САМОВОСПИТАНІЙ.

№ 964.

И(ЧВА)
Б-11

о

САМОВОСПИТАНІЙ

УМСТВЕННОМЪ,

ФИЗИЧЕСКОМЪ И НРАВСТВЕННОМЪ.

Совѣты юношамъ, вступающимъ въ жизнь и желающимъ серіозно подготовиться къ научной и общественной дѣятельности.

СОЧИНЕНИЕ

Джона Стюарта Єлекки,

ПРОФЕССОРА ГРЕЧЕСКАГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ ПРИ ЭДИПБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТЕ.

Переводъ съ 11-го англійскаго изданія

І. ПАУЛЬСОНА.

Лев Курбас

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание Карла Риккера

Невскій проспектъ, № 14.
1879. Петербургъ
УРОГ

Бібліотека № 8891

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

Объ умственномъ воспитаніи	1
О физическомъ воспитаніи.	45
О нравственномъ воспитаніи.	63

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 10 Марта 1879 г.

ОБЪ УМСТВЕННОМЪ ВОСПИТАНИИ.

Всегда хорошо знать что-нибудь.

Гёте.

I. Въ новѣйшее время молодые люди поучаются преимущественно изъ книгъ. Книги, безъ сомнѣнія, весьма полезныя пособія науки и до нѣкоторой степени могутъ служить также руководствами при практическихъ занятіяхъ искусствами; но онѣ ни въ какомъ случаѣ не составляютъ первоначальныхъ и естественныхъ источниковъ образованія, и, по моему мнѣнію, имъ зачастую придаютъ слишкомъ большое значеніе даже въ тѣхъ областяхъ знанія, где онѣ кажутся наиболѣе необходимыми. Ни въ какомъ смыслѣ онѣ не могутъ быть названы производительными силами; это только пособія, средства, орудія и притомъ орудія *искусственныхъ*, служащія лишь дополненіемъ къ дарованнымъ намъ заботливою природою, подобно телескопамъ и микроскопамъ, которые, при многихъ изслѣдованіяхъ, раскрываютъ передъ нами невѣданныя дотолѣ чудеса, но примѣненіе которыхъ не должно бы доводить насъ до той крайности, чтобы пренебрегать упражненіемъ нашихъ собственныхъ глазъ. Первоначальные и настоя-

щіє источники познанія—не книги, а *жизнь, опытъ, собственное мышленіе, чувствование и дѣяніе!* Если начать съ этого, то книгами могутъ быть восполнены многіе пробѣлы, исправлены многія неточности, улучшены многія несовершенства; но если человѣкъ работаетъ безъ живого опыта, то книги для него то же, что дождь и солнце для необработанной почвы.

«Не въ хартияхъ она, священная струя.
Что сердца жарь отрадно утоляетъ;
Изъ чьей души она не вытекаетъ,
Того знаніе не освѣтить она.»

(Фаустъ, Гёте, ч. I).

Это, конечно, выражено нѣсколько поэтично, но тѣмъ не менѣе заключаетъ въ себѣ великую общую истину. Какъ разсужденіе о минералогіи не можетъ доставить дѣйствительно научное знаніе тому, кто никогда не видаль минерала, такъ и сочиненія о литературѣ и поэзіи не могутъ поучать ученика, незнакомаго съ жизнью, или лекціи о музыкѣ того, кто самъ не испыталъ сладости музыкальныхъ звуковъ, или проповѣди того, чья душа не стремится къ добру, чья жизнь утопаетъ въ порокахъ. Всякое знаніе изъ книгъ доходитъ до нась *не прямо*, а чрезъ размыщеніе и отголосокъ; истинное *познаніе* вырастаетъ изъ живого корня въ мыслящей душѣ, и все, что ни воспринимается ею извнѣ, претворяется въ живой организмъ, а не ограничивается процессомъ простого заимствованія.

II. Поэтому я серьезно совѣтую всѣмъ молодымъ людямъ начинать изученіе наукъ, насколько возможно, непосредственнымъ наблюденіемъ фактовъ, а не заучиваніемъ научныхъ положеній изъ книгъ. Кто-то издалъ руководство подъ заглавіемъ: «Какъ наблюдать?» Пусть эти два слова, какъ эпиграфъ, руководятъ нами въ важнейшей части нашего первого самовоспитанія — части, находящейся, къ сожалѣнію, въ совершеннономъ пренебреженіи. Всѣ *естественные науки* должны быть особенно цѣнимы, не только потому, что онѣ снабжаютъ духъ нашъ самыми богатыми, разнообразными и необходимыми матерьялами, но и потому, что научаютъ насъ полезнѣйшему изъ всѣхъ искусствъ — употребленію глазъ. Просто удивительно, какъ это мы всѣ ходимъ съ открытыми глазами и все-таки ничего не видимъ! Это оттого, что органъ зрѣнія, какъ и всѣ прочіе органы, нуждаются въ развитіи; а при недостаткѣ развитія и рабской зависимости отъ книгъ онъ притупляется, слабѣетъ и наконецъ теряетъ способность къ своему естественному направленію. Поэтому нельзя не пожелать, чтобы и въ школѣ, и въ университѣтѣ естественные науки были признаны предметами первѣйшей важности; ибо онѣ научаютъ молодыхъ людей *познавать то, что они видятъ*, и видѣть то, чего иначе имъ не удалось бы увидѣть. Къ самыми полезными предметамъ относятся: ботаника, зоологія, минералогія, геологія, химія, архитектура, рисование и вообще изящныя

искусства. Сколько экскурсий по нашим горамъ (въ Шотландії), сколько поездокъ по Европѣ оказывались почти безъ всякой пользы для книжно-длессированныхъ юношей только потому, что у нихъ недоставало элементарныхъ знаній въ упомянутыхъ наблюдательныхъ наукахъ!

III. Наблюденіе—дѣло хорошое, а точное наблюденіе — и того лучше; но наблюдательная способность наша была бы совершенно подавлена и приведена въ замѣшательство тѣмъ чрезвычайнымъ разнообразіемъ предметовъ, которое существуетъ въ мірѣ, еслибы мы не владѣли надежнымъ способомъ подчинять эту массу предметовъ опредѣленному регулирующему принципу и ставить ее подъ контроль нашего духа. Этотъ регулирующій принципъ состоитъ въ такъ-наз. классификаціи и можетъ быть найденъ человѣческимъ разумомъ, такъ-какъ онъ явно существуетъ повсюду въ мірѣ, который есть откровеніе разума божественнаго. Эта классификація обусловливается основнымъ *единствомъ типа*, напечатлѣнного во всѣхъ вещахъ. Единство же заключается въ признакахъ сходства, которые проявляются даже въ вещахъ, повидимому совершенно различныхъ; и эти-то признаки сходства, схваченные тщательно наблюдающимъ глазомъ, и даютъ намъ возможность все чрезвычайное разнообразіе вещей распределить по известнымъ, болѣшимъ или меньшимъ группамъ, которыя носятъ название

родовъ и видовъ, и сами подчиняются контролю сличающаго и различающаго духа. Поэтому первая задача учащагося состоить въ томъ, чтобы во всемъ, что онъ видѣть, тщательно замѣчать сходства, а съ ними и наиболѣе выдающіяся различія; ибо сходства сопровождаются различіями такъ же неизбѣжно, какъ свѣтъ сопровождается тѣнью, и хотя они, сами по себѣ, не составляютъ дѣйствительной вещи, но тѣмъ не менѣе отдѣляютъ родъ отъ рода и одинъ видъ того же рода отъ другого вида. Классификація или порядокъ, котораго слѣдуетъ доискаваться во всѣхъ вещахъ, представляеть естественный порядокъ вещей; искусственная же распределенія, какъ, напр. распределеніе словъ въ словарѣ по алфавиту, или же растеній въ ботаническомъ сочиненіи по Линнеевой системѣ, могутъ быть полезными пособіями для учениковъ на низшей ступени, но, будучи примѣняемы исключительно, отнюдь не содѣйствуютъ истинному познанію, а скорѣе препятствуютъ ему. Молодой человѣкъ долженъ, прежде всего, стремиться къ пріобрѣтенію способности связывать вещи по ихъ естественному сродству; но это возможно только въ такомъ случаѣ, когда съ широкимъ взглядомъ на общее явленіе соединяется точное наблюденіе частныхъ свойствъ. Народныя названія растеній представляютъ намъ примѣры поверхностнаго сличенія, безъ всякой попытки различенія; такъ напр. название «дикій макъ», повидимому, указываетъ на одинъ изъ видовъ семейства

маковыхъ, тогда-какъ въ дѣйствительности растеніе, слывущее въ народѣ подъ этимъ названіемъ, именно *Althea officinalis*, не имѣетъ ничего общаго съ упомянутымъ семействомъ, а должно быть причислено къ семейству мальвовыхъ; это известно всякому, изучавшему ботанику на живыхъ растеніяхъ, и можетъ быть подкреплено основательными доводами. Для того чтобы въ нашу эпоху локомотивовъ успѣшилъ содѣйствовать развитію наблюдательной способности, я совѣтовалъ бы молодымъ людямъ не упускать случая къ посѣщенію *историческихъ музеевъ*, гдѣ и когда только это возможно; а посѣща музей, они должны каждый разъ сосредоточивать вниманіе свое преимущественно на томъ, что наиболѣе характерно для данной мѣстности. При желаніи разсмотрѣть все и вся, дѣло кончается обыкновенно тѣмъ, что въ памяти ничего не остается.

IV. На основаніи тщательно наблюденныхъ и разобранныхъ фактовъ духъ нашъ принимается возводить болѣе искусное построеніе посредствомъ процесса, называемаго **разсужденіемъ**. Мы желаемъ знать не только то, что такія-то вещи существуютъ, но и то, *какъ* онъ существуютъ и *для какой цѣли*. Основнымъ единствомъ божественного духа обусловливается необходимое единство въ процесахъ, обезпечивающихъ существованіе и ростъ вещей, равно какъ и единство типа въ ихъ разнообразныхъ родахъ и видахъ; къ изслѣдованію же

божественного единства въ обоихъ проявленіяхъ побуждаетъ насъ единство нашей души. Разумъ нашъ постоянно занятъ выработкою единства, или, выражаясь популярнѣе, цѣлесообразнаго плана въ отправленіяхъ нашей собственной мелочной жизни; такимъ образомъ мы естественно, сами собою, побуждаемся отыскивать единство, цѣлесообразность и необходимую зависимость во всѣхъ явленіяхъ міра, существующаго, какъ весьма мѣтко выразился Стѣрлингъ, только «въ разумѣ, благодаря разуму и для разума». Качество духа, побуждающее насъ отыскивать это единство въ цѣпи вещей, френологами названо *чувствомъ причины*; ибо причина вещи, по народному пониманію, есть только та точка въ необходимой послѣдовательности Богомъ созданныхъ силъ, которая предшествуетъ непосредственно самой вещи. Едва ли существуетъ много такихъ ограниченныхъ и поверхностныхъ людей, которые по обыкновенію довольствовались бы знаніемъ совершенно необъясненныхъ фактovъ; напротивъ, ежедневный опытъ показываетъ намъ, что большинство людей, то и дѣло, прибѣгаютъ къ опрометчивымъ заключеніямъ о причинѣ того или другого факта, чтобы только не оставлять его безъ всякаго объясненія. Не служитъ ли это явнымъ доказательствомъ того, что отысканіе причинъ составляетъ характеристическую черту каждого здороваго духомъ человѣка? — Молодымъ людямъ слѣдуетъ преимущественно остерегаться ошибки, происходящей отъ поверхностнаго отношенія къ

дѣлу, именно ошибки — принимать *случайное* слѣдствіе или обстоятельство за реальную причину. Конечно, легко понять, что обильные дожди на западномъ берегу Англіи вызываются сосѣдствомъ Атлантическаго океана; точно такъ же не особенно трудно уразумѣть, какимъ образомъ довольно мягкая зимы въ Обанѣ сравнительно съ зимами въ Эдинбургѣ или Эбердинѣ, причиняются широкимъ протокомъ теплой воды изъ Мексиканскаго залива. Но въ области *нравственности и политики*, гдѣ факты большою частію гораздо сложнѣе, и притомъ страсти обыкновенно играютъ значительную роль, мы постоянно наталкиваемся на примѣры разсужденія, принимающаго причинную связь фактovъ, положенныхъ въ основаніе, безъ всякой проповѣдки. Я слышалъ однажды политическую рѣчь известнаго демагога, въ которой ораторъ, варьируя тему свою на разные лады и иллюстрируя ее различными примѣрами, пришелъ къ тому выводу, что всѣ бѣдствія нашей страны происходятъ единственно отъ монархически-аристократического образа правленія въ ней, и что они всѣ могли бы быть устраниены разомъ, какъ бы по взмаху магического жезла, еслибы мы ввели у себя чисто-демократическое правленіе. Такого рода аргументація, очевидно, ошибочна; ибо и единственная причина, которой приписываются всѣ соціальные бѣдствія, и единственное средство, предлагаемое для устраненія этихъ бѣдствій, одинаково — продукты воображенія. Чтобы научиться правильно раз-

суждать, я рекомендовалъ бы молодымъ людямъ, прежде всего, послѣдовать предписанію старика Платона и подвергнуть себя, въ теченіе иѣкотораго времени, вполнѣ строгой дисциплинѣ *математическаго изученія*^{*)}). Это укрѣпить связующую силу духа, необходимую при всякомъ разсужденіи, и научить неопытнаго дѣйствительно понимать, что значитъ необходимая зависимость, неизбѣжное слѣдствіе или чистая причинность. Но этимъ не слѣдуетъ ограничиваться; ибо такъ-какъ въ математикѣ всѣ выводы основываются на теоретическихъ положеніяхъ и условіяхъ, которыя, будучи разъданы, уже не измѣняются и не нарушаются: то одни математическія сужденія никакъ не могутъ служить достаточнouю подготовкою къ обширному и самому важному классу человѣческихъ умозаключеній, основанныхъ на сложномъ рядѣ изумительно дѣйствующихъ и противудѣйствующихъ фактovъ и силъ, которая притомъ легко подвергаются нарушающимъ ихъ влияніямъ, такъ-что иногда и самый проницательный умъ приходитъ къ ошибочному заключенію. Въ вопросахъ политическихъ, моральныхъ и соціальныхъ сужденія наши не менѣе положительны, чѣмъ въ математикѣ, но они *трудныe и обширеніе*; и опасность, которой тутъ приходится избѣгать, состоить въ одностороннемъ наблюденіи, опрометчивыхъ выводахъ и помра-

^{*)}) Надъ входомъ въ Платоническую академію была надпись: «Да не входить сюда, кто не изучалъ математики».

ченіи духовнаго ока личными страстями и интересами партии. Политикъ, невѣрно рѣшающій политическую проблему, впадаетъ въ ошибку не вслѣдствіе шаткости научныхъ положеній, а отъ того, что онъ или недостаточно знакомъ съ фактами, или обуянъ страстями и интересами, мѣшающими надлежащей оцѣнкѣ фактovъ.

V. Представляю себѣ, что тутъ иной молодой читатель пожелаетъ спросить меня: ужъ не посовѣтую ли я ему, для укрѣпленія его духовныхъ силъ, приняться серьѣзно за изученіе логики и метафизики. Отвѣчаю на это: непремѣнно, коль скоро вы естественнымъ, т. е. не чисто школьнымъ путемъ, пріобрѣли уже вообще способность мыслить и разсуждать. Человѣкъ научается ходить и бѣгать, прежде всего, благодаря тому, что у него есть ноги, а за тѣмъ вслѣдствіе того, что онъ ихъ употребляетъ; послѣ этого онъ можетъ еще у сержанта или у гимнаста поучиться и маршировкѣ, и различнымъ тактическимъ эволюціямъ, которые не входятъ въ кругъ обычныхъ движений. То же можно сказать и объ искусствѣ мышленія. Пусть умъ вашъ накопитъ вполнѣ то, о чемъ мыслить, а за тѣмъ обратитесь къ логикѣ, чтобы она научила васъ зоркимъ окомъ провѣрять тотъ процессъ, посредствомъ котораго вы доходите до своихъ выводовъ. Такимъ образомъ изученіе логики, безъ сомнѣнія, можетъ принести значительную пользу. Но такъ-какъ эта наука, подобно математикѣ, не имѣетъ

реальнаго содержанія и только приводитъ въ порядокъ общія формы, въ которыхъ совершаются всякое мышленіе, то было бы нелѣпо ожидать, что чистая логика обогатить насъ плодотворными для жизни мыслями. Какъ одно умѣніе фехтовать не дастъ человѣку качествъ великаго патріота, такъ и одно знаніе логики не сдѣлаетъ его великимъ мыслителемъ. Формальныя науки имѣютъ всѣ одинъ и тотъ же характеръ. Грамматика и риторика, сами по себѣ, точно такъ же бесплодны, и приносятъ плодъ только въ приложениіи къ тѣмъ материалямъ, которыя даются жизнью и опытомъ. Безплодный или ограниченный умъ никогда не можетъ оплодотвориться или расшириться отъ изученія правилъ мышленія. Бодрья жизненные силы, широкая симпатія, зоркое наблюденіе, разнообразный опытъ — вотъ что гораздо важнѣе всякой школьнай логики! Тѣмъ не менѣе логика не бесполезна. Она имѣеть не творческую, но регулирующую силу; она содѣйствуетъ мышленію точно такъ же, какъ изученіе анатоміи содѣйствуетъ живописи; она прочнѣе скрѣпляетъ всѣ составныя части нашего мысленного построенія; но положительного знанія она дать не можетъ, точно такъ же, какъ анатомія не можетъ произвести красивой картины. Въ обличеніи ошибокъ и разоблаченіи софизмовъ она оказываетъ намъ неопѣнимыя услуги; но для того чтобы приступить къ открытію важныхъ истинъ, она принуждена двигательную силу свою черпать изъ источника живой воды,

которая въ школахъ не течеть, и составлять материаълы свои изъ фактovъ дышащей жизнью природы, которыхъ ни въ какомъ музѣи не найдешь. Все сказанное относится и къ *метафизикѣ*. Эта наука полезна въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, она знакомить насъ съ необходимыми предѣлами человѣческихъ способностей; она служить, такъ сказать, къ тому, чтобы окорнать немного крылья нашего воображенія и, давъ намъ окунуться и побарахтаться въ глубокомъ, безпредѣльномъ океанѣ отвлеченной спекуляціи, вселить въ насъ чувство, что міръ гораздо обширнѣе и наши понятія о немъ гораздо ничтожнѣе, чѣмъ мы воображали. Результатъ *отрицательный!* скажете вы; такъ, но тѣмъ не менѣе важный. Въ знаніи предѣловъ состоить первое условіе мудрости. Лучше умѣть увѣреннымъ шагомъ ходить по твердой землѣ, къ которой мы принадлежимъ, чѣмъ присвоить себѣ, подобно Икару, способность птицъ и стяжать жалкое бессмертіе, окрестивъ глубокое море своимъ именемъ. Другая польза отъ метафизики — *положительная*: она осваиваетъ насъ съ великими основными истинами, на которыхъ зиждется зданіе всѣхъ наукъ. Метафизика не только чисто формальная наука, подобно логикѣ; напротивъ, она наука фундаментальной и существенной реальности, которая служить основаніемъ всѣмъ явленіямъ, подобно тому какъ душа человѣка — его физической наружности, и которая переживаетъ всѣ измѣненія, какъ вѣчный ихъ

типъ. Реальность эта состоитъ въ тѣхъ обищихъ, все проникающихъ, всѣмъ управляющихъ силахъ, которыя дѣйствуютъ и въ ботаникѣ, и въ физиологии, и въ геологии, и въ астрономіи и въ химіи, и въ антропологіи; каждая особая отрасль познанія есть только единичное проявленіе этихъ силъ; словомъ, реальность эта — общее начало всего существующаго. А такъ-какъ каждое существо представляеть собою только величественное развитіе самоопредѣляющаго разума (ибо безъ обитающаго въ немъ разума міръ быль бы хаосомъ, а не космосомъ), то изъ этого слѣдуетъ, что метафизика есть наука объ абсолютномъ или міровомъ разумѣ, насколько онъ можетъ быть познаваемъ нашимъ ограниченнымъ, единичнымъ разумомъ. Въ этомъ смыслѣ метафизика, какъ уже въ древности было замѣчено Аристотелемъ, совпадаетъ съ *теологіей* *). Дѣйствительно, идея Бога, какъ абсолютного, самосущаго, самодѣйствующаго и самоопредѣляющаго разума, есть единственная идея, которая даетъ намъ возможность понять міръ, и потому всѣми великими мыслителями, отъ Пиѳагора до Гегеля, по всей справедливости считается краеугольнымъ камнемъ всякаго здраваго мышленія. Поэтому, во всякомъ случаѣ,

*) «Бываетъ три вида теоретического познанія», говорить Аристотель: «физика, математика и теология. Послѣдняя называется также *первой философіею*, потому что рассматриваетъ общѣ всѣмъ реальнымъ сферамъ принципы. Эти принципы суть: 1) форма, или сущность, 2) вещество, или матерія, 3) движущая, или дѣйствующая причина и 4) цѣль.» Метаф. Аристотеля, X, 7.

полезно изучать и метафизику, особенно въ наше время, когда новизна цѣлаго ряда блестящихъ открытій въ области естествовѣдѣнія, при общемъ господствѣ односторонняго направлѣнія умовъ и сильной склонности ко всему вѣшнему и материальному, привела многихъ къ тому мнѣнію, что въ одиѣхъ естественныхъ наукахъ заключается вся человѣческая мудрость, и что индукція именно и есть таътъ магическій жезль, при помощи котораго могутъ быть решены всѣ важнѣйшія проблемы науки. Это значитъ помѣшаться на одной вѣшности; ибо, съ одной стороны, аксіомы и величайшія жизненныя истины, безъ которыхъ невозможна никакая наука, предшествуютъ всякой индукціи, а съ другой стороны — естественные науки описываютъ только *дѣйствія*, которыя поверхностнымъ человѣкомъ принимаются за причины. Такъ-наз. *законы* этихъ наукъ суть только *способы дѣйствія*; главный же дѣятель, котораго онъ изслѣдоввать не могутъ, не выходя изъ своихъ предѣловъ, вездѣ и всегда — абсолютный, вездѣсущій, всетворящій разумъ, называемый *Богомъ*, отъ котораго, какъ уже пѣлъ древній греческій поэтъ, мы всѣ происходимъ, и въ которомъ мы, какъ училъ св. апостолъ Павелъ, живемъ, движемся и существуемъ. Итакъ изучайте и метафизику; только не думайте, что вопросы ея могутъ быть решены на школьной скамьѣ. Нѣть, вопросы эти решаются лишь долгимъ опытомъ истинно-человѣческой жизни; и счастливъ тотъ,

кто разрѣшилъ ихъ себѣ такъ или иначе и, съ теплою вѣрою въ найденную имъ истину, можетъ засыпать такъ же спокойно, какъ младенецъ засыпаетъ у груди матери.

VI. Другая функція нашего духа, нуждающаяся въ воспитаніи, есть *воображеніе*. Я сильно опасаюсь, что ни преподаватели, ни учащіеся не убѣждены достаточно въ важности этой способности. Многіе даже презираютъ ее, такъ-какъ, повидимому, она имѣеть дѣло болѣе съ фикціею, чѣмъ съ фактами, и потому кажется лишеннаю всякаго значенія, особенно для молодого человѣка, желающаго пріобрѣсти положительная знанія. Но это отнюдь не такъ. Всѣмъ известно, что первоклассные ученые своими важнѣйшими открытіями обязаны живительной силѣ вдохновленного воображенія. Доказательствомъ этому служатъ, между прочимъ, и оригинальныя наблюденія поэта Гёте въ области ботаники и остеологии. Врагомъ науки воображеніе является только тогда, когда оно дѣйствуетъ неразумно, т. е. произвольно и причудливо; руководствуясь же разумомъ, оно становится лучшимъ и нужнѣйшимъ его союзникомъ. Къ тому же для исторіи и для всей области дѣйствительныхъ фактовъ воображеніе столь же необходимо, какъ и для поэзіи. Правда, историкъ не можетъ выдумывать факты; но онъ долженъ искусно распредѣлять ихъ и излагать въ изящной формѣ, а это безъ воображенія невозможно. Волшебныя сказки и вся-

каго рода романы имѣютъ также свое достоинство и, при разумномъ употреблени, могутъ не мало содѣствовать воспитанію воображенія; но гораздо полезнѣйшее упражненіе для развитія этой способности представляетъ знакомство съ реальнымъ міромъ. Для того чтобы развить и воспитать воображеніе, нѣть вовсе надобности искать изображеній человѣческаго характера и судьбы въ романахъ; жизнь Александра Македонскаго, Лютера, Густава-Адольфа или вообще одного изъ тѣхъ замѣчательныхъ на міровомъ поприщѣ людей, въ которыхъ воплощается исторія, создаваемая ими же, имѣетъ въ этомъ отношеніи гораздо болѣе воспитательное значеніе, нежели лучшая повѣсть или поэма, когда-либо сочиненная. Поэзія дѣйствуетъ далеко не на всѣхъ; но нѣть человѣка, на котораго великій подвигъ не пройзвѣль бы болѣе или менѣе сильного впечатлѣнія. Упражненія воображеніе на біографіяхъ великихъ людей, мы выносимъ двоякую пользу: знакомимся разомъ и самымъ осязательнымъ образомъ какъ съ тѣмъ, что было совершино, такъ и съ тѣмъ, что слѣдовало совершить. Но для того чтобы развить воображеніе *равномѣрно*, недостаточно возбуждать въ душѣ пріятные и возвышенные образы; такимъ чисто пассивнымъ созерцаніемъ сила воображенія не укрѣпится. Читая что-нибудь, мы положительно должны понуждать воображеніе наше къ тому, чтобы оно вполнѣ овладѣло проходящими мимо образами, и не удовлетворяться до тѣхъ поръ,

пока оно не будетъ въ состояніи воспроизвести все изображенное событие въ надлежащей послѣдовательности и со всѣми его характеристическими чертами. Какъ бываетъ не мало людей, проводящихъ жизнь, повидимому, съ открытыми глазами, но все-таки ничего не замѣчающихъ, такъ бываетъ не мало и такихъ, которые читаютъ книги и набиваются голову множествомъ фактovъ, не сохранивъ ни одного живого образа, который въ часъ досуга могъ бы возбудить ихъ фантазію или въ трудныя минуты жизни вооружить ихъ терпѣніемъ и твердостью. Поэтому, молодой человѣкъ, каждый разъ какъ вы прочли главу хорошей книги, спрашивайте себя не о томъ, что напечатано на прочитанныхъ вами страницахъ, а о томъ, что изображено въ освѣщенной галлереѣ вашего воображенія. Поддерживайте живость вашей фантазіи, и пусть она всегда будетъ полна тѣла и красокъ. Не думайте, что вы уже ознакомились съ фактомъ, когда знаете, что онъ совершился; нѣть, фактъ извѣстенъ вамъ лишь тогда, когда вы можете представить себѣ, какъ онъ совершился.

VII. Хотя слово «воображеніе» и означаетъ способность, которая до извѣстной степени можетъ считаться достояніемъ каждого человѣческаго существа, но оно, кажется, еще особенно тѣсно связано съ тѣмъ классомъ представлений и душевныхъ движений, которыхъ мы за неимѣніемъ оригинального термина, называемъ

УРСР
8891

эстетическими. Человѣкъ можетъ жить, и жить честно, обладая при этомъ весьма скучнымъ воображеніемъ; такъ точно и домъ можетъ быть построенъ прочно, вполнѣ защищать отъ дождя и вѣтра, давать достаточно свѣта, и при этомъ имѣть весьма невзрачную наружность. Никто, разумѣется, не станетъ охотно жить въ такомъ невзрачномъ домѣ, если имѣеть возможность жить въ хорошомъ и красивомъ. Такимъ же образомъ *красота*, — эта естественная пища здраваго воображенія,— должна бы быть предметомъ искательства для каждого, желающаго достойно выполнить высокую цѣль жизни, т. е. достигнуть возможно большаго совершенства. Если правда, какъ мы сказали выше, что человѣкъ живеть не одиѣми книгами, то нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что онъ живеть не однимъ знаніемъ. «Всегда хорошо знать что-нибудь» — вотъ умное изреченіе одного изъ умнѣйшихъ людей новѣйшаго времени.

Но этими словами онъ отнюдь не хотѣлъ сказать, что хорошо всякое беспорядочное, безсистемное знаніе; нѣтъ, смысль этихъ словъ тотъ, что для могущей случиться надобности всегда полезно тщательно замѣтать все, что попадается на глаза, хотя бы это было и не лучшее. Лучшее, понятно, не всегда къ нашимъ услугамъ; но и дурное, на которое мы такъ часто наталкиваемся, бываетъ не безъ иѣкоторой частицы добра: ю-то слѣдуетъ не пренебрегать, а пользоваться. Для юноши же достойнымъ предметомъ его постоянныхъ стремлений должно

быть не знаніе вообще или чего-нибудь безъ различія, но знаніе высокаго, прекраснаго и доброго; а это достижимо лишь при участії воображенія и въ томъ только случаѣ, когда не упускается изъ виду эстетическое воспитаніе духа. Другими словами, поэзія, живопись, музыка и вообще изящныя искусства, изображающія высокое и прекрасное во всѣхъ возможныхъ видахъ и отношеніяхъ, должны быть предметами не только специального изученія для отдѣльныхъ талантовъ, но и общаго образования для каждого человѣка, стремящагося къ самоусовершенствованію. Человѣкъ можетъ быть сообразителенъ, твердъ въ своихъ поступкахъ, практиченъ и вообще отлично подготовленъ къ трудовой жизни, но въ то же время обладать весьма непривлекательными качествами, т. е. быть угловатъ, неуклюжъ, неуживчивъ, сварливъ, упрямъ дерзокъ, грубъ и. т. д. Сглаживание шероховатостей въ такомъ характерѣ посредствомъ иѣкотораго эстетического воспитанія представило бы трудъ весьма полезный для общества и могло бы быть источникомъ значительного благоденствія для самой личности. Поэтому, читатель мой, заботьтесь постоянно о томъ, чтобы воображенію вашему какъ можно чаще доставлялась его естественная пища въ видѣ прекрасныхъ предметовъ всякаго рода. Если въ городѣ только-что окончено какое-нибудь великолѣпное зданіе, то остановитесь передъ нимъ и разсмотрите его внимательно; если открывается выставка хорошихъ картинъ,

то, какъ бы вы ни были заняты вашими обычными дѣлами, улучите свободный часочекъ, чтобы хоть мелькомъ взглянуть на эти картины и полюбоваться ихъ красотою. Наконецъ, если въ городской циркъ прибыли искусные наѣздники и замѣчательные жонглеры, то сходите и на нихъ посмотрѣть; не думайте, что ихъ ловкие прыжки и кувырканья только праздное фиглярство для потѣхи однихъ дѣтей, напротивъ — это артистическая изображенія изумительной силы и гибкости человѣческаго тѣла, которымъ каждый долженъ удивляться. Вообще, если вы желаете усовершенствоваться, не бойтесь предаваться *удивленію*; только дивясь прекрасному и высокому, мы можемъ нѣсколько приблизиться къ подобію того предмета, которому дивимся, и тотъ, кто посреди этого чудеснаго міра почти никогда не дается диву, доказываетъ этимъ отнюдь не то, что въ мірѣ нѣть ничего удивительного, а лишь то, что его собственные интересы мелочны и способности ничтожны. Для молодого человѣка, ищущаго естественнааго пути къ эстетическому развитію, ничего не можетъ быть хуже, какъ заняться критиканствомъ домогаться бесплодной привилегіи «ничему не удивляться»*). Если отжившій, старый циникъ придерживается правила *nil admirari* то ему это можно простить; но въ устахъ подающаго надежды юноши оно возмутительно.

*.) По мнѣнію Гораций (Эпистолы, I, 6, 1), одно изъ средствъ сдѣлаться счастливымъ состоять въ томъ, чтобы ничему не удивляться (*nil admirari*).

Точно такъ же возмущаешься невольно, когда видишь, что молодой человѣкъ, за которымъ нѣтъ еще никакихъ заслугъ, занимается отысканіемъ ошибокъ въ сочиненіяхъ людей, болѣе или менѣе заслуженныхъ, и это называется «критикой». Для юноши первымъ занятіемъ должно быть отысканіе повсюду не ошибокъ, а красотъ. Всякая критика, достойная этого названія, есть зрѣлый плодъ основательнаго знанія и долгаго опыта. Только старый солдатъ можетъ сказать, какъ должны даваться сраженія. Никто, конечно, не отнимаетъ у молодыхъ людей права имѣть и свой взглядъ на вещи; они конечно должны смыть свое сужденіе имѣть; но изъ этого не слѣдуетъ, что взгляды ихъ и сужденія должны появляться *въ печати*. Печатные мнѣнія человѣка малоопытнаго могутъ только вводить публику въ заблужденіе и развратить душу пишущаго.

Я сказалъ, что высокое и прекрасное составляетъ естественную и самую здоровую пищу эстетическихъ способностей. Комическое же и юмористическое въ этомъ отношеніи только вспомогательныя средства. Человѣкъ лишень многаго, если не можетъ смыться; но смыть, хотя иногда и отучаетъ отъ дурныхъ привычекъ, отнюдь не облагораживаетъ нашей души. Жизнь — дѣло серьёзное, и никто еще отъ зубоскальства не сдѣлся ни великимъ, ни добрымъ. Величайший юморъ, какъ напр. юморъ Аристофана, имѣть только значеніе приправы или пряности. А однимъ перцомъ и ванилью

никто не питается! — Душа юноши должна наполняться, подобно копенгагенскому музею Торвальдсена, всѣми прелестями формъ и образовъ, начиная съ кроткаго величія Спасителя и апостоловъ до игривой граціи греческихъ купидоновъ и гиппокамповъ^{*}), а не находить особеннаго удовольствія въ созерцаніи карикатуръ, извращающихъ только вкусъ. Привычка находить во всемъ только смѣшную сторону есть самый вѣрный признакъ мелкой души; ибо смѣшное, какъ было замѣчено еще Аристотелемъ, лежитъ всегда на поверхности. Чтеніе юмористическихъ повѣстей и очерковъ, столь обильныхъ въ наше время, можетъ быть рекомендовано только иногда для препровожденія времени, какъ и чтеніе хорошей комедіи; но занятія изящными искусствами представляютъ серьёзнымъ молодымъ людямъ гораздо болѣе интересное развлеченіе, нежели чтеніе смѣшныхъ разказовъ о пошлыхъ или презрѣнныхъ людяхъ; а игра на инструментѣ хорошей мелодіи или передача гладкимъ стихомъ на родномъ языкѣ умнаго изреченія изъ древняго или новѣйшаго иностраннаго писателя служить, во всякомъ случаѣ, болѣе полезнымъ и пріятнымъ отдохновеніемъ отъ серьёзныхъ работъ, чѣмъ чтеніе смѣхоторвныхъ книгъ — занятіе, пригодное только въ моменты сильнѣйшаго умственнаго застоя и для людей, не любящихъ шевелить мозгами.

^{*}) Баснословные морские кони.

VIII. Слѣдующая за тѣмъ душевная способность, требующая особеннаго упражненія и холи, есть память. Безполезно собирать сокровища, если ихъ негдѣ хранить; точно такъ же безполезно учиться тому, чего нельзя удержать въ памяти. Къ счастію, память — такая способность, которая вѣрнѣе всѣхъ другихъ можетъ быть усовершенствована посредствомъ упражненія. Кромѣ того, для слабой памяти есть и вспомогательныя средства, какихъ не существуетъ ни для слабаго воображенія, ни для слабаго разсудка. Вотъ важнѣйшія условія, необходимыя для упроченія въ памяти воспринятыхъ воображеніемъ фактovъ.

Во 1) ясность, живость и сила первого впечатлѣнія. Никогда не надѣйтесь, что вы будете въ состояніи припомнить то, что воспринято вами поверхностно и неточно. Множество смутныхъ и слабыхъ впечатлѣній, дѣйствующихъ съ быстротою на нашъ духъ, очень скоро исчезаютъ въ туманѣ, который все покрываетъ и затемняетъ. Для памяти гораздо выгоднѣе получить ясное представление объ одномъ только признакѣ замѣчательнаго предмета, чѣмъ имѣть смутныя представленія о цѣломъ.

✓ Во 2) ничего не помогаетъ памяти въ такой степени, какъ порядокъ и классификація. Классовъ всегда мало; особей же много; знать хорошо классъ — то же, что знать самое существенное въ характерѣ особи, а это вмѣстѣ съ тѣмъ менѣе всего обременяетъ память.

Въ 3) особенно важно — *повторение*: если гвоздь не входить въ стѣну отъ одного удара, то пріударьте его еще и еще разъ. Въ этой области упорная выдержка всегда береть свое. Такъ напр. если кому-нибудь трудно запомнить, что *Дева* по санскритски значитъ *Богъ*, то ему стбить только повторять эту вокабулу семь разъ въ день или семь разъ въ недѣлю, и онъ навѣрное уже не забудетъ ея. Чѣмъ слабѣе отъ природы память у человѣка, тѣмъ рѣшительнѣе онъ долженъ совершенствовать ее посредствомъ затверживанія. Способностямъ нашимъ иногда нуженъ кнутъ, подобно лѣнивой лошади; иначе онъ не идетъ впередъ.

Въ 4) случается и такъ, что при слабой памяти особенно выдается логическая сила (чувство причины френологовъ); въ такомъ случаѣ кажущійся недостатокъ легко можетъ превратиться въ действительную выгоду. Люди съ весьма быстрой памятью зачастую удовлетворяются этою природною способностью и не заботятся о дальнѣйшемъ ея развитіи, такъ-какъ она и безъ того даетъ имъ возможность съ успѣхомъ выказывать свой мнемонический, т. е. собственно чисто попугайскій талантъ; но кому трудно запоминать факты безъ приведенныхъ къ нимъ оснований, тотъ отыскиваетъ логическую связь этихъ фактovъ, и ею скрѣпляетъ въ памяти то, что, по природному складу своего ума, онъ не могъ воспринять въ видѣ произвольно и необъясненнаго ряда.

Въ 5) иногда и искусственная ассоціація идей можетъ быть полезна; такъ напр. школьніку легче будетъ запомнить, что г. Абидосъ находится на азіятскомъ берегу Геллеспонта, если вниманіе его будетъ обращено на то обстоятельство, что названія Абидосъ и Азія имѣютъ одну и ту же начальную букву. Но такие педагогические приемы или, вѣрнѣе, фокусы могутъ прельщать развѣ только плохо образованную гувернантку, — для мужаваго ума они не пригодны. Я не пытаю довѣрія къ искусственнымъ системамъ такъ-наз. мнемоники; ибо отъ наполняютъ воображеніе кучею произвольныхъ и смѣшныхъ символовъ, которые мѣшаютъ естественной дѣятельности нашего духа. Историческія данныя, къ которымъ обыкновенно примѣняется этого рода машинація, запоминаются гораздо лучше при помощи причинной связи или даже по случайному совпаденію великихъ именъ; такъ напр. не трудно запомнить, что Платону было 29 лѣтъ, когда Сократъ принялъ кубокъ съ отравой, и что Аристотель былъ ученикомъ этого Платона, а за тѣмъ самъ учителемъ того знаменитаго сына Филиппа Македонскаго, который посредствомъ своего побѣдоноснаго войска привелъ языкъ Сократа и Платона въ соприкосновеніе съ священнымъ нарѣчіемъ браманскихъ гимновъ на берегахъ Индуза.

Наконецъ, въ 6), какъ бы сильна ни была ваша память, никогда не пренебрегайте тою вѣрною помощью, которую представляютъ выписки

и письменные замѣтки. Привычка говорить по тетрадкѣ, конечно, не укрѣпляетъ память, а скорѣе разслабляетъ ее; но если вы имѣете запасы дѣйствительно полезныхъ свѣдѣній въ видѣ записанныхъ замѣтокъ или отмѣченыхъ печатныхъ мѣстъ, то это дасть вамъ, въ случаѣ надобности, возможность располагать большимъ количествомъ накопленного материала. Въ виду этого молодой человѣкъ долженъ, съ самаго начала своихъ научныхъ занятій, нѣкоторыя книги проложить бѣлыми листами, къ другимъ составить себѣ подробное оглавленіе, или же вносить каждый разъ содержаніе читаннаго въ особый каталогъ, по которому онъ могъ бы легко и скоро наводить необходимыя справки. Проповѣдники наши, безъ сомнѣнія, придали бы проповѣдямъ своимъ значительно большее достоинство, еслибы имѣли привычку употреблять проложенную бѣлыми листами библію и при выбираемыхъ ими текстахъ записывать такія события изъ жизни или такие разсказы изъ книгъ, которые могли бы служить поясненіемъ или иллюстраціе этихъ текстовъ. Такимъ образомъ они могли бы, даже при весьма слабой отъ природы памяти, черпать изъ сокровищницы своей и новое и старое, и пользоваться обиліемъ практическаго примѣненія въ тѣхъ частяхъ своихъ духовныхъ поученій, которыхъ теперь обыкновенно страдаютъ и сухостью, и безцвѣтностью. Для студентовъ, изучающихъ политическія науки, проложеніе бѣлыми листами, съ тою же цѣлью, Аристотелев-

вой «Политики», было бы не менѣе полезно; это предохранило бы ихъ отъ той неподвижности и односторонности взглядовъ, которая происходитъ, большею частию, отъ знакомства лишь съ новѣйшимъ и современнымъ опытомъ общественной жизни.

IX. При воспитаніи, какъ въ школѣ, такъ и въ университѣтѣ, нерѣдко упускается изъ виду одно весьма важное искусство, именно искусство *выражаться* языкомъ правильнымъ, яснымъ и убѣдительнымъ. Поэтому я предложу здѣсь нѣсколько замѣчаній относительно выработки *слога* и относительно *публичныхъ рѣчей*. Человѣкъ отъ природы—говорящее животное, и хороший слогъ есть не что иное какъ усовершенствованіе въ искусствѣ словеснаго выраженія, происходящее отъ развитія природной способности посредствомъ хорошаго воспитанія. Лучшую школу для выработки слога представляетъ, конечно, близкое знакомство съ хорошими ораторами и писателями. Запасъ словъ, которымъ каждый изъ насъ владѣеть, зависитъ всегда въ значительной степени,—а въ молодые годы быть-можетъ и совершено,—отъ того *общества*, въ которомъ мы врашаемся. Поэтому читайте лучшія сочиненія лучшихъ писателей, и будьте увѣрены, что нѣкоторая доля хорошихъ ихъ качествъ сдѣлается вашимъ достояніемъ; только не перенимайте рабски чью-либо манеру выражаться. Какъ въ чертахъ лица, такъ и въ слогѣ каждого человѣка есть извѣстная индивидуаль-

ность, которую необходимо оберегать. И обращайте внимание ваше не на одинъ только слогъ; ибо слогъ не можетъ быть выработанъ самъ по себѣ, т. е. независимо отъ мыслей. Насколько вы заботитесь о красивыхъ и удачныхъ оборотахъ рѣчи, настолько же и еще болѣе заботьтесь о томъ, чтобы то, что вы высказываете, было содержательно и дѣльно. Въ этомъ отношеніи вполнѣ справедливы слова Сократа, сказанныя имъ однажды молодымъ грекамъ, именно,—что они уже съумѣютъ выразиться, какъ скоро у нихъ есть что сказать. То же сказалъ и апостолъ Павелъ въ первомъ посланіи своемъ къ коринтиянамъ (гл. 14), а въ новѣйшее время Гёте, обращаясь къ нѣмецкимъ студентамъ:

«Иди для выгодъ честного пути,
Не будь трепеткой площадной!
Мысль здравая и отъ души
Изложится сама собой;
Вѣрь: чтобы дѣльное сказать,
Не нужно долго словъ искать.»

(Фаустъ, ч. I.)

При этомъ однако старайтесь всячески пріобрѣсти навыкъ къ такому изложенію мыслей, которое представляло бы сочетаніе строгой правильности, изящной легкости, живой образности и богатаго разнообразія въ выраженіяхъ и оборотахъ, словомъ, всѣхъ качествъ, характеризующихъ хороший слогъ. Но для образованныхъ и способныхъ людей въ каждомъ благоустроенному государствѣ письменное изложение мыслей есть только шагъ къ устному, т. е.

къ свободному произношенію связной рѣчи. Не только ораторамъ по профессіи, какъ то проповѣдникамъ, адвокатамъ и политическимъ дѣятелямъ, приходится говорить рѣчи, но и въ жизни почти каждого человѣка могутъ быть случаи, заставляющіе его публично высказывать свое мнѣніе; а если навыкъ къ этому не пріобрѣтенъ въ молодости, то впослѣдствіи чувствуешь всегда нѣкоторую неловкость и затрудненіе, когда приходится публично говорить рѣчь, которая, вслѣдствіе этого, нерѣдко теряетъ значительную долю своей убѣдительности. Поэтому нужно, какъ можно раньше, начинать упражняться и въ особенности избѣгать той рабской зависимости отъ записокъ, вслѣдствіе которой, какъ это предвидѣлъ Платонъ*), многие образованные люди выражаются менѣе естественно и краснорѣчиво, чѣмъ ничему не учившіеся дикари. Молодые люди должны пріучаться къ тому, чтобы мыслить всегда въ строгой послѣдовательности и воспроизводить мысли свои въ назначенномъ порядке — безъ помощи бумаги. Листочекъ, на которомъ напѣчено лишь нѣсколько наводящихъ словъ, можетъ на первыхъ порахъ служить пособіемъ для памяти; но лучше обходиться, насколько возможно, и безъ этой помощи. Говорящій рѣчь долженъ всегда своимъ слушателямъ смотрѣть прямо въ лицо; а это невозможно, если онъ вынужденъ, хотя бы только по временамъ, заглядывать въ тетрадку. Лучшею подготовкою къ

*) См. «Федръ», Платона.

умѣнью свободно говорить, безспорно, служать ученические диспуты, давно уже введенныe въ шотландскихъ университетахъ и составляющіе, можно сказать, ихъ славу. Упражненіе ведеть къ искусству, искусство внушаетъ довѣріе къ себѣ, а вслѣдствіе этого исчезаютъ и застѣничность, и страхъ, нерѣдко мѣщающіе свободному теченію мыслей, но всегда овладѣвающіе молодымъ человѣкомъ, которому впервые приходится говорить публично. Чтобы эти, весьма естественные въ такихъ случаяхъ, афекты исчезли совершенно, конечно, не желательно. Чрезмѣрная самоувѣренность и смѣлость — гораздо худшіе недостатки въ молодомъ ораторѣ, нежели нѣкоторая доля нервной застѣничности. Публичному оратору никогда не слѣдовало бы освобождаться отъ того чувства *ответственности*, которое естественно сопряжено съ его положеніемъ, такъ-какъ слова его вліяютъ и должны вліять на образъ мыслей большей или меньшей массы слушателей. Но чтобы это почтительное уваженіе къ говоримому слову не выродилось въ болѣзненную робость и тревожную заботу объ условныхъ приличіяхъ, я посовѣтовалъ бы каждому, собирающемуся говорить публичную рѣчь, не думать вовсе о самомъ себѣ, а вступать на каюедру исполненный своимъ предметомъ и съ искреннимъ желаніемъ словомъ своимъ принести посильную пользу. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы относительно ясности и выразительности изложенія нельзя было ничему научиться у опыта

наго и свѣдущаго въ краснорѣчіи руководителя; я хотѣль только сказать, что вразумительная рѣчь — собственно даръ природный, который развивается болѣе или менѣе самъ собою. Совершенство же, до котораго можетъ быть доведенъ этотъ даръ, есть искусство, требующее, подобно всякому другому искусству, во многихъ отношеніяхъ специального изученія и упражненія.

Х. Въ первой главѣ я сказалъ, что источники истиннаго знанія — не книги; тѣмъ не менѣе, на той ступени развитія, которой достигло современное общество, книги играютъ и должны играть важную роль въ воспитаніи молодыхъ умовъ. Поэтому я намѣренъ дать здѣсь нѣсколько совѣтовъ относительно выбора и употребленія книгъ. Прежде всего замѣтьте, что хотя полки книжныхъ магазиновъ и ломятся подъ тяжестью книгъ, — имя же имъ легонъ, — въ каждой области существуетъ лишь весьма небольшое число *капитальныхъ* сочиненій, относительно которыхъ остальные только подспорья, а иногда и паразиты, и служить первымъ скорѣе во вредъ, чѣмъ въ пользу, подобно тому какъ плющъ — дереву, вокругъ котораго вьется. Сколько тысячъ, напримѣръ, и даже десятковъ тысячъ книгъ о христіанской религії было написано и выпущено въ свѣтъ со времени повѣданія человѣчеству Евангелія! А между тѣмъ въ нихъ не содержится ничего иного, ни лучшаго, чѣмъ въ самомъ Евангеліи; и еслибъ

онъ завтра же всѣ исчезли съ лица земли, то христіанство отъ этого ни мало бы не потеряло. Во многихъ ученыхъ книгахъ, въ свое время надѣлавшихъ шуму, можно найти столько же безсмыслицы, какъ и смысла, и рѣдко встрѣчается книга, въ которой бы не было линней и бесполезной болтовни. Поэтому придерживайтесь капитальныхъ книгъ, оригинальныхъ сочиненій, родниковъ великихъ идей и благородныхъ страстей, и вамъ легко будетъ обойтись безъ тѣхъ многочисленныхъ томовъ посторонняго толкованія, которыми содержаніе подлинниковъ ихъ такъ же часто затемняется, какъ и освѣщается. Для молодого богослова напр. гораздо важнѣе знать наизусть Новый Завѣтъ, чѣмъ умѣть искусно разсуждать о сочиненіяхъ современныхъ духовныхъ писателей. Всѣ эти сочиненія прекрасны, но не единое, что нужно; стремиться къ высшему христіанскому усовершенствованію можно и безъ нихъ, но отнюдь не безъ Священнаго Писанія. Поэтому, еще разъ, обращайтесь всегда къ капитальнымъ книгамъ, около которыхъ вращалась исторія человѣческаго мышленія и человѣческой судьбы. По политикѣ читайте Аристотеля, по математикѣ Ньютона, по философіи Лейбница, по поэзіи Шекспира, по естественной наукѣ Фаредея. Не упускайте изъ виду и тѣхъ замѣчательныхъ людей, которые хотя и не достигли положительныхъ и цѣнныхъ для человѣчества результатовъ науки, тѣмъ не менѣе принесли своему времени пользу тѣмъ, что возставали

противъ общераспространенныхъ заблужденій и возбуждали современниковъ своихъ къ болѣе здравому мышленію и дѣянію. Къ такимъ людямъ принадлежалъ *Вольтеръ* — во Франціи и *Давидъ Юмъ* — въ Англіи. Но, конечно, стремясь серьёзно къ ближайшему знакомству со всѣми такими оригиналными умами и обрѣтателями въ мірѣ мышленія и дѣянія, вы съ величайшимъ прискорбиемъ почувствуете, что при началь вашихъ занятій не всегда будете въ состояніи пользоваться ими; вамъ придется искать ступеней, чтобы подняться на высоту этихъ небовидцевъ. И такими ступенями служатъ *маленькие* книги. Поэтому не гнушайтесь маленькими книгами; это, такъ сказать, трапезы для подхода къ великой крѣпости науки, и перескочить чрезъ нихъ не безопасно. Напротивъ, изучая напр. языки, возьмите лучше краткую грамматику, чѣмъ пространную, и изучите сперва въ точности основанія, анатомію, кости и твердый остатокъ, прежде чѣмъ углубиться въ многосложную ткань живой физіологии. Это можетъ показаться неудобнымъ въ началѣ, но избавить васъ отъ многихъ непріятностей впослѣдствіи. Но основательно изучить маленькую книжку не значитъ — выдолбить ее на память. Правда, многое въ ней должно быть твердо усвоено памятью; но это далеко не важнѣйшее и не особенно образовательно. Долбя есть чисто механическое отправленіе, котораго всякое мыслящее существо должно бы стыдиться; и притомъ она рѣдко когда необходима, хотя и практикуется очень

часто. Прибегать къ ней приходится собственно только тому, кто не можетъ или не хочетъ пріучиться къ мышлению. Мой же советъ: мыслите, по возможности, всегда еще до чтенія, или по крайней мѣрѣ во время чтенія. Если вы можете собственнымъ умомъ попытаться, почему три угла треугольника не только въ дѣйствительности равны, но по самой сути дѣла и должны быть равны, то этимъ способствуете развитию умственныхъ силъ своихъ гораздо болѣе, чѣмъ еслибы вы задолбили на память доказательства всѣхъ двѣнадцати книгъ Евклида. Затѣмъ совѣтую вамъ читать, по возможности, систематически и въ хронологической последовательности. Безъ порядка факты въ умѣ не вижутся; самый же естественный и поучительный порядокъ—генетический, т. е. порядокъ происхожденія и развитія. Прочтите, напримѣръ, Плутарховы пространныя біографіи въ хронологическомъ порядкѣ, начиная съ Тезея до Клеомена и Арака, и въ представленіи вашемъ возникнетъ гораздо живѣйшая исторія грековъ, чѣмъ какую вамъ можетъ дать даже Гроте или Курціусъ. Понятно, что правило это, какъ и всякое другое, не примѣнимо во всѣхъ случаяхъ безъ исключения. При систематическомъ чтеніи исключениемъ является склонность. Если вы ощущаете сильное желаніе познакомиться преимущественно съ какимъ-нибудь отдаленнымъ періодомъ исторіи, то слѣдуйте этому желанію; только принимайтесь за дѣло тщательно и основательно. Одно звено цѣли, твердо схваченное, естественною

связью своею, притягиваетъ постепенно и остальные. Подвигаясь впередъ, отъ одного любимаго мѣста къ другому, вы скоро почувствуете необходимость связать ихъ строго хронологическою послѣдовательностью. Для назиданія вообще можетъ быть допущено иногда и случайное, несистематическое чтеніе; но оно служить только средствомъ необходимаго отдыха и освѣженія духа; собственно же образовательной силы не имѣть. Сдѣлавшись постояннымъ, такое чтеніе скорѣе вредно, чѣмъ полезно для ума; а между тѣмъ въ наше время ему предаются очень многіе молодые люди. У великихъ ученыхъ XVI и XVII столѣтій не было столько книгъ, какъ у насъ; но тѣмъ, что у нихъ было, они пользовались основательно. Чтеніе въ томъ родѣ, какое водится у читателей анекдотовъ, подобно шнырянію по болоту молодой собаки, которая все обнюхиваетъ и ничего не схватываетъ; настоящій же читатель находить свой первообразъ въ Іаковѣ, который всю ночь боролся съ ангеломъ и вышелъ побѣдителемъ, хотя этимъ и повредилъ себѣ суставъ бедра.

XI. Здѣсь кстати будетъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній относительно специального чтенія, въ противоположность общеобразовательному. Въ молодыхъ людяхъ проявляется обыкновенно весьма естественное стремленіе приняться какъ можно скорѣе за свою специальность, т. е. за то занятіе, которое у нѣмцевъ весьма знаме-

нательно называется *хлыбнымъ*; но нѣтъ сомнѣнія, что въ такомъ ограниченномъ смыслѣ, какой молодые люди придаютъ этому понятію, оно заключаетъ въ себѣ большую ошибку, какъ это вполнѣ доказано и личнымъ опытомъ специалистовъ, и исторіею техническаго усовершенствованія. Во-первыхъ, нѣкоторое размыщеніе уже можетъ выяснить молодому человѣку, что то, что теперь онъ считаетъ быть-можетъ лишино роскошью или даже бременемъ для себя, какъ разъ можетъ оказаться однимъ изъ важнѣйшихъ пособій и полезнѣйшихъ орудій въ его будущей специальной дѣятельности. Это справедливо въ особенности относительно языковъ, которые въ началѣ, повидимому, мѣшаютъ занятію реальными предметами, но со временемъ становятся тѣмъ необходимыемъ, чѣмъ болѣе мы расширяемъ рамку нашей дѣятельности и укрѣпляемся въ специальномъ знаніи. Если важность языко-знанія зачастую преувеличивалась, то только оттого, что знаніе это считалось само по себѣ цѣлью; какъ орудія же въ рукахъ умнаго мыслителя, языки — неоцѣнимы. Такъ-наз. чистый специалистъ всегда человѣкъ *ограниченный*; хуже, онъ въ извѣстномъ смыслѣ человѣкъ *искусственный*, креатура техническихъ навыковъ и специальныхъ свѣдѣній, одинаково далекая какъ отъ великихъ истинъ природы, такъ и отъ здороваго вліянія человѣческаго общенія. Въ обществѣ такой специалистъ — и будь онъ изъ самыхъ способныхъ — играетъ роль ничтожную, потому-что человѣчность свою онъ похоронилъ въ своей профессіи;

онъ кожевенникъ и умѣеть говорить только о кожѣ; онъ ученый, отъ котораго песятъ книжною плѣсенью, какъ отъ закоренѣлаго курильщика табакомъ. Поэтому, вмѣсто того чтобы, очертя голову, бросаться на чисто специальное занятіе, молодой человѣкъ сдѣлаетъ лучше, если станеть по возможности избѣгать отупляющаго вліянія ученаго ремесленничества. Онъ еще успѣеть почувствовать на себѣ заѣдающую силу чисто специальной дѣятельности. Пусть онъ лучше весело ширить крылья свои въ болѣе просторной сфере, покуда можетъ:

«На то и юность, чтобы могли мы
Свободно крылья распустить,
И ненавидѣть и любить.»

(Гёте.)

Кто же, пренебрегая общимъ образованіемъ, пожелалъ бы направить умъ свой исключительно на изученіе какой-либо специальности, тому будь сказано, что такое изученіе, какъ бы полно и основательно оно ни было, отнюдь не въ состояніи познакомить его со всею областью его специальности, что самое точное знаніе этой специальности не освоить его съ интереснѣйшею и важнѣйшею частью его профессіи, именно съ тою частью, гдѣ специальная дѣятельность соприкасается съ общечеловѣческими понятіями и симпатіями. Въ этомъ отношеніи *адвокатура* представляетъ намъ отличный примѣръ; ибо нѣтъ специальности болѣе технической, болѣе искусственной и болѣе чуждой сочувствія къ человѣчеству, какъ *юриспруденція* во многихъ

своихъ отрасляхъ; но за то въ другихъ она выступаетъ на великое поприще человѣческихъ правъ и льготъ и занимается обширными вопросами, при практическомъ рѣшеніи которыхъ гораздо важнѣе, чтобы адвокатъ былъ не столько свѣдущимъ юристомъ, сколько истиннымъ человѣкомъ. Точно такъ же и *медицина* имѣеть дѣло столько же съ знаніемъ человѣческой природы и человѣческой души, сколько и съ силами искусно составленныхъ лекарствъ и проявленіями техническаго діагноза. Согласно этому, всеобщій опытъ показалъ, что образованный ученый, хотя въ началѣ повидимому и уступаетъ специалисту, въ тѣсномъ смыслѣ, при дальнѣйшемъ ходѣ дѣла обыкновенно побиваетъ послѣдняго въ его собственной области; ибо съ ограниченного поля своего обычнаго кругозора специалистъ не можетъ познать ни принциповъ, на которыхъ зиждется его собственная практика, ни отношенія его обособленной дѣятельности къ общимъ человѣческимъ интересамъ и къ общему человѣческому мышленію. Лучшія предохранительныя средства отъ заѣдающей силы чисто специального занятія заключаются въ здоровыхъ вліяніяхъ общества, въ трудѣ и въ постоянномъ общеніи съ великими писателями, особенно поэтами и историками, чисто человѣческія мысли которыхъ «обогащаютъ кровь міра» и расширяютъ кругъ взаимнаго пониманія.

XII. Эту статью о воспитаніи мышленія я намѣренъ заключить нѣсколькими замѣчаніями

о предметѣ, относительно котораго читатель, быть-можетъ, ожидаетъ отъ меня, какъ отъ филолога, болѣе всего указаній, — именно объ изученіи языковъ. Слѣдующія краткія правила, которыхъ я даю, какъ мнѣ кажется, въ естественной ихъ послѣдовательности, представляютъ результатъ многолѣтняго опыта, и потому на дѣйствительную практическость ихъ можно положиться.

1) Если только возможно, начните изученіе свое при содѣйствіи хорошаго учителя. Онь дастъ вамъ возможность выиграть много времени, именно тѣмъ, что устранитъ трудности, которыхъ могли бы васъ обезкуражить, и предохранить васъ отъ дурныхъ привычекъ въ произношеніи, отъ которыхъ пришлось бы опять отучаться.

2) Прежде всего называйте громко на изучаемомъ вами языкѣ каждую вещь, которая попадется вамъ на глаза, тщательно избѣгая посредства родного языка; другими словами: съ первого же урока мыслите и говорите объ окружающихъ васъ предметахъ на языкѣ, который вы изучаете, и помните, что мѣсто словамъ, прежде всего, въ ухѣ и на языкѣ, а не только въ вашей книѣ и въ вашемъ мозгу.

3) Затвердите простѣйшія и наиболѣе правильныя формы склоненій существительныхъ, напр. на *us* и на *a* въ латинскомъ, и склоненіе на *A* въ санскритскомъ.

4) Какъ только вы заучили именительный и винительный падежи этихъ существительныхъ,

то возьмите какой-нибудь правильный глаголь въ *первомъ лице* наст. вр. изъяв. накл. и произнесите громко короткое предложение по правиламъ синтаксиса о дѣйствительныхъ глаголахъ, напр. *φέω τὸν Ήλιον* (я вижу солнце).

5) Усложните упражненіе, прибавивъ къ существительному эпитетъ, склоняемый такъ же, какъ и самое существительное; напр. *φέω τὸν λαρυγγόν Ηλιον* (я вижу яркое солнце).

6) Продолжайте такимъ образомъ, т. е. заучите постепенно простые глаголы въ настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ временахъ изъяв. накл., и составляйте изъ нихъ и подходящихъ сущ. краткія предложенія, но всегда непосредственно на изучаемомъ языке, безъ помощи родного. Въ этомъ существенномъ началѣ всякой рациональной системы языкоученія приходится преодолѣть не дѣйствительную, а лишь воображаемую трудность, во многихъ же случаяхъ — только упорство привычки къ превратнымъ пріемамъ.„

7) Коль скоро ухо и языкъ вполнѣ овладѣли простейшими формами именъ, глаголовъ и предложеній, тогда, но отнюдь не раньше, учащийся долженъ постепенно перейти къ *болѣе труднымъ и сложнымъ формамъ*.

8) Никогда не заучивайте *правилъ*, не поясненныхъ *примѣрами* и не сопровождаемыхъ *упражненіемъ*, или лучше еще: выводите всѣ правила изъ дѣлаемыхъ вами упражненій, и пусть правила эти будутъ малочисленны и какъ можно проще:

9) *Неправильности* всякаго рода лучше всего усвоивать посредствомъ упражненія, по мѣрѣ того какъ они встрѣчаются; но некоторые аномалии, напр. въ спряженіи немногихъ неправильныхъ глаголовъ, встречаются такъ часто и для препятственного успѣха такъ важны, что ихъ лучше заучить наизусть какъ можно скорѣе. Къ такимъ аномалиямъ напр. принадлежитъ глаголь *быть* почти во всѣхъ языкахъ.

10) Для чтенія въ началѣ могутъ быть употреблены легкіе разсказы или, лучше еще, простые разговоры; такъ напр. на греческомъ языкѣ *Анабазисъ* Ксенофonta, его же *Меморабіліи* (вспоминанія о Сократѣ), *Картина Кебеса*^{*)} и *Діалоги* Лукіана; но чтенія никогда не должны, какъ это обыкновенно водится, замѣнять собою мышленіе и свободную рѣчь. Чтобы противодѣйствовать этой наклонности, лучше всего — выбирать предметы изъ естественной исторіи или изображенія интересныхъ предметовъ и громко описывать ихъ части въ простыхъ предложеніяхъ, безъ посредства родного языка.

11) Всѣ упражненія въ чтеніи и устномъ описаніи должны повторяться два, три и болѣе разъ. Вообще всякая книга, назначенная для первыхъ ступеней языкоученія, должна читаться неоднократно.

^{*)} *Кобесъ Оливский*, ученикъ Сократа, написать 3 философскихъ разговора, изъ которыхъ до насъ дошелъ только одинъ «Панакъ», т. е. картина.

12) Избирайте, по возможности, всегда такое чтение, которое удовлетворяло бы вашимъ душевнымъ наклонностямъ. Если предметъ работы вашей интересенъ, то успѣхи ваши будутъ вдвое быстрѣе и больше. Знать же кое-что предварительно о содержаніи того, надъ чѣмъ приходится работать, значительно облегчаетъ труды. Поэтому, для христіанъ, знающихъ Св. Писаніе подобно намъ, шотландцамъ, Библія представляетъ одну изъ лучшихъ книгъ для изученія иностранного языка.

13) При исполненіи обращайте самое тщательное вниманіе на различіе въ идіотизмахъ чужого языка и вашего родного; подчеркните каждую такую фразу явственно первомъ или карандашомъ и передайте ее на родномъ языкѣ соотвѣтствующимъ идіотизмомъ, а нѣсколько дней спустя переведите снова на языкѣ подлинника то, что у васъ написано на родномъ языкѣ.

14) Для руководства въ вашихъ наблюденіяхъ и, если нужно, для проверки ихъ, пользуйтесь какою-нибудь систематическою грамматикою, пока все это считаете полезнымъ; но наводите грамматическая справки ваши всегда послѣ упражненія, а не до него.

15) Не довольствуйтесь тѣмъ чисто методическимъ обобщеніемъ практики, которое встрѣчается во многихъ грамматикахъ, но старайтесь всегда находить основаніе правила, — все равно, относится ли это правило къ общей или частной грамматикѣ.

16) Изучайте теорію языка, рѣчевой органиズмъ и то, что называется сравнительной филологіей. Принципы, выработанныя этой наукой, дадутъ вамъ возможность съ полнымъ пониманіемъ продолжать изученіе, которое иначе представляеть въ высшей степени трудную работу для памяти.

17) Но самое главное все-таки упражненіе, практика. Съ языккомъ нужно, прежде всего, освоиться, а это освоееніе достижимо только постояннымъ чтеніемъ и постояннымъ разговоромъ. Если вамъ не съ кѣмъ говорить, то говорите громко сами съ собою; нужно упражнять ухо и языкъ, а не только глазъ и разсудокъ. При чтеніи нельзя ограничиваться одними образцовыми произведеніями; напротивъ, нужно, такъ сказать, жадно пожирать все, что попадается подъ руки. Нельзя также довольноствоваться тщательнымъ и подробнымъ прохожденіемъ какой-нибудь одной книги; все это прекрасно, какъ специальная задача, — но необходимо сживаться и съ общимъ элементомъ языка, и стремиться къ мелочной точности въ деталяхъ лишь тогда, когда вы на практикѣ уже овладѣли языккомъ и пріобрѣли въ немъ надлежащую бѣглость. Такъ напр. слѣдовало бы Шекспира прочесть разъ двадцать, прежде чѣмъ приниматься за изученіе различныхъ вариантовъ шекспировскаго текста или за чтеніе острумныхъ догадокъ его критиковъ.

18) Письменное изложеніе мыслей на иностранномъ языкѣ есть высший результатъ упраж-

неній въ разговорѣ и чтеніи, прямыхъ и обратныхъ переводовъ, о которыхъ мы говорили выше. Тутъ главное условіе состоить въ томъ, чтобы работа производилась по какому нибудь образцу, а отнюдь не помощью словаря или сборника фразъ. Изберите себѣ автора, служащаго образцомъ своеобразнаго слога, напр. Платона въ философскомъ, или Лукіана въ юмористическомъ разговорѣ, заимствуйте у него выраженія и обороты рѣчи и напишите что-нибудь въ томъ же родѣ, но непосредственно, безъ помощи родного языка. Достигнувъ такимъ образомъ нѣкотораго навыка, вы можете выражаться уже свободнѣе, т. е. болѣе или менѣе по своему, и мало-по-малу научитесь писать на иностранномъ языкѣ такъ же изящно, какъ Эрасмъ, Виттенбахъ или Рункель писали на латинскомъ. Можно также упражняться и въ переводѣ отечественныхъ первоклассныхъ писателей на иностранный языкъ, но только не на первыхъ порахъ; ухо должно быть настроено непосредственнымъ подражаніемъ чужому языку, прежде чѣмъ попытка въ болѣе трудномъ искусствѣ, т. е. въ переводѣ съ родного языка, можетъ имѣть нѣкоторый успѣхъ.

О ФИЗИЧЕСКОМЪ ВОСПИТАНИИ.

«Слава юношамъ — сила ихъ.»
Соломонъ.

I. Все, что существуетъ, должно имѣть основаніе для устоя, корень для роста или блокъ для вращенія, словомъ, что-нибудь такое, что, хотя и подчинено цѣлому, тѣмъ не менѣе构成ляетъ необходимую точку опоры, отъ которой зависитъ существование цѣлаго. Это фактъ столь же вѣрный, какъ любой фактъ въ математикѣ. Домъ нельзя построить безъ фундамента, безъ подстѣнки, который самъ по себѣ не имѣть значенія и, если заложенъ хорошо, вовсе не замѣчается, такъ-какъ скрыть въ землѣ. Точно такое же отношеніе существуетъ и между мыслительной способностью человѣка и его тѣломъ, между его умственной дѣятельностью и его физическимъ здоровьемъ; и если эта аналогія вѣрна, то ясно, что студенту, т. е. учащемуся молодому человѣку ни о чёмъ не следовало бы заботиться болѣе, чѣмъ о здоровье своей плоти и крови. Между-тѣмъ всѣмъ известно, что забота о здоровьѣ или, что то же самое, рациональная холя собственнаго тѣла — послѣднее дѣло, о которомъ думаютъ такие молодые люди; и чѣмъ усерднѣе они занимаются,

тѣмъ болѣе они въ этомъ отношеніи склонны грѣшить и, подобно поѣзду желѣзной дороги, которому не поданъ сигналъ о предстоящей опасности, несутся къ краю пропасти, прежде чѣмъ успѣютъ замѣтить, гдѣ они находятся. Поэтому, желая посвятить себя научной дѣятельности, слѣдуетъ прежде всего взять тому, общимъ опытомъ подтверждаемому убѣжденію, что сидячій образъ жизни вообще и сидячія занятія, соединенные съ сильнымъ и продолжительнымъ напряженіемъ головного мозга въ особенности, болѣе или менѣе вредны для здоровья, и что слабыя отъ природы комплекціи, питающія нерѣдко особенную любовь къ книгамъ, тѣмъ непосредственно содѣйствуютъ разслабленію своихъ способностей и совершенному разстройству своего организма. Послѣ этого предостереженія старого студента и ученаго, пусть каждыйпомнить, что кровь его падетъ на его собственную главу, если онъ не будетъ заботиться о сохраненіи своего здоровья такъ же, какъ хороший рабочій заботиться о томъ, чтобы всѣ инструменты его постоянно были остры, или хороший солдатъ о томъ, чтобы у него всегда былъ сухой порохъ. А для того, чтобы читатель зналъ, какъ заботиться о сохраненіи здоровья, я дамъ въ слѣдующихъ гла-вахъ нѣсколько самыхъ важныхъ практическихъ указаній, которыми меня снабдилъ въ этомъ отношеніи многолѣтній опытъ.

II. Развитіе и сила каждого члена нашего тѣла, точно такъ же, какъ и всего существую-

щаго въ мірѣ, обусловливается движеніемъ. Вся суть жизни состоитъ въ дѣятельности, или работѣ; безусловный покой бываетъ только въ могилѣ, и мѣрою для жизненной силы человѣка служить его рабочая сила. Проявленіе каждой способности и функциї тѣла въ стройномъ порядкѣ есть признакъ здоровья; а проявленіе здоровья въ высокой степени есть признакъ физической силы. Хотя и можно быть здоровымъ, не обладая большою физическою силою; но все-таки здоровье указываетъ болѣе или менѣе на присутствіе этой силы, всякая же болѣзнь есть слабость. Каждый можетъ замѣтить, что въ природѣ все увеличивается только посредствомъ роста; а этотъ ростъ состоитъ въ непрестанномъ движении жизненныхъ и растительныхъ силъ, и все, что нарушаетъ или уменьшаетъ дѣйствіе этихъ силъ, напр. суровые вѣтры или морозы, задерживаетъ ростъ и препятствуетъ развитію. Поэтому легко понять, что сидѣніе за письменнымъ столомъ и корпѣніе надъ книгою никакъ не можетъ служить средствомъ для развитія тѣла. Способствовать надлежащему кровообращенію и свободной игрѣ мышцъ можетъ только движение, и всякое упущеніе въ этомъ отношеніи отомщается природой. Каждый молодой человѣкъ, занимающейся науками, долженъ бы дать священный обѣтъ въ томъ, что будетъ по крайней мѣре часа два ежедневно находиться въ движеніи на свѣжомъ воздухѣ. Если же онъ этого дѣлать не будетъ, то холодныя ноги, застой крови во

внутреннихъ частяхъ его тѣла и различные признаки разстройства въ желудкѣ и головѣ не замедлять въ свое время возвѣстить ему, что онъ согрѣшилъ противъ природы; и если онъ не перемѣнитъ свой образъ жизни, то будетъ непремѣнно, подобно непослушному мальчику, болѣно наказанъ; ибо природа никогда не бываетъ такъ чрезмѣрно жалостлива въ своемъ обращеніи, какъ иные мягкосердые наставники изъ людей. Но зачѣмъ молодому человѣку и предаваться столь дурной и вредной для здоровья привычкѣ? Можно стоя точно такъ же хорошо мыслить, какъ и сидя, иногда еще гораздо лучше; что же касается до чтенія, то въ наши дни, когда и самыя вѣскія книги издаются въ легчайшей формѣ и дешево, никому нѣтъ надобности сгорбливать спину и сдавливать себѣ грудь ради того только, что приходится держать въ рукахъ книгу. Прохаживаясь по комнатѣ, вы будете читать драму или поэму гораздоестественнѣ и съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ сидя сонливо въ креслѣ. Сидѣніе есть положеніе небрежное, которое не должно бы было входить въ привычку; но если вы сидите, или принуждены сидѣть, то во всякомъ случаѣ сидите прямо, спиною къ свѣту, и такъ, чтобы грудь была совершенно свободна. Изучая языки или читая прекрасныя мѣста изъ поэтовъ, читайте, какъ можно чаще, громко; это упражненіе, рекомендованное еще Климентомъ Александрійскимъ, полезно въ двухъ отношеніяхъ: оно укрѣпляетъ легкія, этотъ важнѣйшій

для жизни органъ, и пріучаетъ слухъ къ воспринятію звуковыхъ различій, на что, къ сожалѣнію, во многихъ школахъ вовсе не обращается вниманія. Между знаніемъ, которое молодые люди стараются пріобрѣсти, и сидячимъ образомъ жизни, которому многие изъ нихъ предаются, въ большинствѣ случаевъ, нѣтъ вовсе необходимой связи. Извѣстная часть умственной работы, безъ сомнѣнія, должна быть совершена при помощи разныхъ книгъ; но если я напр. хочу основательно ознакомиться съ Гомеромъ, то, по окончаніи первой, черной работы, т. е. необходимыхъ справокъ въ грамматикѣ и лексиконѣ, я могу читать его такъ же хорошо на вершинѣ горы или подъ тѣнью дерева, какъ и въ душной комнатѣ. Удовольствіе, ощущаемое нами при чтеніи какой-нибудь трагедіи Эсхила или разговора Платона, не уменьшится, а напротивъ замѣтно усилится отъ пахучаго дыханія липы вокругъ насъ или отъ журчанія текущаго вблизи ручья. И если вы при первомъ чтеніи составите себѣ небольшой списокъ наиболѣе трудныхъ словъ, то при вторичномъ чтеніи можете обойтись и безъ лексикона. Молодой ученый долженъ, какъ ради здоровья, такъ и ради приличія, остерегаться повсюду носить съ собой книжный запахъ, столь же замѣтный, какъ и табачный. Чтобы предохранить себя отъ этой книжной заразы, нѣтъ лучшаго средства для молодого человѣка, какъ присоединиться къ корпусу во-

лонтеровъ *); производимыя тутъ упражненія будутъ ему вдвойнѣ полезны: они освободятъ его отъ педантства и укрѣпятъ чресла его для надлежащаго исполненія всѣхъ гражданскихъ обязанностей. Пруссаки, подобно древнимъ грекамъ, вполнѣ поняли всю важность военного образования, и каждый прусскій подданный обязанъ извѣстное время прослужить въ арміи; мы же, англичане, преждевременно спѣшимъ стать за конторкой, и гражданственность наша и мужество отъ этого, конечно, не мало страдаютъ. Дешевизна Ѣзы по желѣзной дорогѣ и на пароходахъ даетъ въ настоящее время почти каждому возможность совершать небольшія путешествія и экскурсіи; и потому учащемуся юношеству непростительно сидѣть по цѣлымъ недѣлямъ и мѣсяцамъ прикованнымъ къ какой-нибудь жалкой старой книгѣ, тогда какъ оно могло бы наслаждаться картинами живой природы въ цвѣтущей долинѣ или наединенномъ островѣ среди шумящихъ волнъ. Пусть и книга будетъ въ вашемъ карманѣ, если ужъ нельзя безъ этого; но лучше держать себя, насколько возможно, въ независимости отъ этихъ бумажныхъ пособій, учиться непосредственно у природы, т. е. наблюдая ее, и

*). Подъ корпусомъ болонтеровъ авторъ разумѣеть одно изъ тѣхъ многочисленныхъ обществъ, существующихъ въ Англіи, въ которыхъ молодые люди, посредствомъ стрѣльбы въ цѣль, маршировки и гимнастическихъ упражненій, добровольно готовятся къ военной службѣ. Въ Германіи той же цѣли служатъ гимнастическая общество (Turnvereine). У насъ же, къ сожалѣнію, до сихъ поръ нѣтъ и слѣда чего-либо подобнаго.

въ такомъ «мудромъ бездѣльи» незамѣтно рости въ сильномъ мышлѣніи и чувствованіи подъ освѣжающими вліяніями играющей вокругъ насы природы. Для того чтобы путешествія и экскурсіи могли служить упомянутой двоякой цѣли, т. е. здоровью и образованію, вовсе нѣтъ надобности предаваться мечтаніямъ какого-нибудь Вордсвортъ*). Геологія, ботаника, зоологія и вообще всѣ отрасли естественной исторіи изучаются лучше всего въ самой природѣ; и при успешной разработкѣ ихъ, самъ собою является навыкъ къ тѣмъ энергическимъ и предпріимчивымъ экскурсіямъ пѣшкомъ, которыя составляютъ отличную школу мужской независимости. Исторія и археологія такъ же изучаются лучше всего въ исторической долинѣ, у монастырской развалины или у старой пограничной крѣпости. Дѣйствительно, въ нашъ вѣкъ, когда весь міръ находится болѣе или менѣе въ локомотивномъ движеніи, на ученаго, сидящаго все дома и поучащаагося изъ однѣхъ только книгъ, всѣ здравомыслящіе и энергические люди должны смотрѣть какъ на никуда не годного хворыша и смѣшишаго чудака, не говоря уже о томъ, что, разстраивая здоровье свое, онъ будетъ влечь жалкую жизнь и преждевременно сойдетъ въ могилу.

Для того чтобы содержать тѣлесную ма-

*) Вильямъ Вордсвортъ (1770 — 1850 г.), основатель такъ называемой «Озерной школы» въ англійской поэзіи, выказывавъ особенную склонность и способность къ поэтическимъ описаніямъ природы.

шину нашу всегда въ надлежащемъ равновѣсіи между гибкостью и крѣпостью, нѣть ничего лучше игрѣ и гимнастики. Правильныя, предъ-обѣденныя прогулки, совершаemыя обыкновенно въ сообществѣ нѣсколькихъ человѣкъ, имѣютъ что-то формальное, не располагающее къ веселости; лица, стѣсняющіяся такою формальностью, найдутъ необходимое имъ движеніе, вмѣстѣ съ здоровымъ общественнымъ стимуломъ, въ гимнастическихъ упражненіяхъ и различныхъ играхъ. Изъ игрѣ можно особенно рекомендовать: отрокамъ и юношамъ *крикетъ*, людямъ болѣе спокойнаго темперамента — *боулингъ*, всѣмъ же возрастамъ вообще — веселый шотландскій *гольфъ*^{*)}). ГРЕБЛЯ, если она производится не черезъ силу, представляеть также весьма подходящее для молодыхъ людей упражненіе; ловкое же управлениe парусомъ и весломъ, какое мы встрѣчаемъ въ шотландскихъ и гебридскихъ водахъ, есть искусство, напрягающее всѣ физическія силы и способности вполнѣ развитого мужчины. Уженье, въ свою очередь, располагаетъ къ созерцанію и развитію поэтическихъ образовъ, какъ это показываютъ примѣры Вальтона, Стодарта и зна-

^{*)} Cricket, bowling и golf — обычныя въ Англіи общественные игры. Cricket имѣеть изъкоторое сходство съ нашей лаптой. Изъ 11 игроковъ одна партія старается сбить мячикомъ 3 вбитныхъ въ землю колышка, а другая партія препятствуетъ этому лаптою. — Въ bowlingъ, игрѣ въ шары, катать въ перегонку бѣлые и черные шары, стараясь попасть ими въ красный. — Въ golfъ (крокетъ тоже) каждый игрокъ долженъ, поочереди, прогонять свой деревянный шаръ чрезъ девять вбитныхъ въ землю дугъ, чemu всѣ другіе игроки стараются помѣшать.

менитаго Джона Вильсона ^{*)}). Въ дождливую погоду игра на билліардѣ, безъ сомнѣнія, одна изъ самыхъ лучшихъ игръ; просто поразительно, какъ при этой игрѣ развивается быстрота глаза, тонкость осязанія и субтильность расчета. Въ сравненіи съ этимъ *карты* являются игрою неуклюжею и глупою, которая въ лучшемъ случаѣ, именно въ вистѣ, упражняетъ одну только память. Шахматы же, по справедливости, не слѣдовало бы называть игрою, — это скорѣе серьёзное занятіе, сильно напрягающее головной мозгъ; для человѣка, не занятаго постоянно умственнouю дѣятельностью, эта серьёзная игра можетъ быть весьма привлекательна, но для систематического мыслителя она не можетъ служить отдохновенiemъ.

III. Теперь позвольте мнѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній относительно весьма вульгарнаго, но тѣмъ не менѣе не всегда разумно совершаемаго процеса ъды и питья. По словамъ д-ра Абернети^{**)}), «дѣвъ величайшія смертоносныя силы въ мірѣ — пичканье и обжорство». Нѣть однако сомнѣнія, что силы эти не имѣютъ ни малѣшаго отношенія къ преждевременной смерти шотландскихъ студентовъ, которые умираютъ скорѣе отъ недостатка, чѣмъ отъ излишка пищи. Прежде всего, конечно, необходимо, чтобы у

^{*)} Англійскій поэтъ, Джонъ Вильсонъ (1788 — 1854 г.), авторъ трагедіи «Городъ чумы», отрывокъ изъ которой переведенъ Пушкинымъ подъ заглавиемъ: «Пиръ во время чумы».

^{**) Докторъ Абернети (1763—1831 г.) знаменитый хирургъ и директоръ Вареодомеевской больницы въ Лондонѣ.}

васъ было чѣть, а за тѣмъ — чтобы то, что вы єдите, было укрѣпительно и питательно. Относительно подробностей посовѣтуйтесь съ врачомъ; но, кажется, всѣми признано, что самая простая пища зачастую бываетъ и самая лучшая; а для потребностей головного мозга и крови, какъ показалъ долгій опытъ, нѣть ничего лучше овсянки и хорошаго мясного бульона.

Но если у человѣка и нѣть недостатка въ хорошей пищѣ, то онъ тѣмъ не менѣе нерѣдко подвергаетъ жизнь свою опасности вслѣдствіе неправильнаго употребленія пищи. Такъ напр. существуетъ извѣстный сортъ людей, которые недовольны обычнымъ, слишкомъ медленнымъ для нихъ теченіемъ жизни, и хотятъ ускорить его; они не имѣютъ понятія о томъ, что значитъ приняться за что-нибудь спокойно, и потому проглатываютъ обѣдъ свой съ величайшою поспѣшностью, чтобы только какъ можно скрѣе покончить съ нимъ. Это плохая политика и плохая философія. Кто єсть поспѣшно, тотъ теряетъ вдвойнѣ: онъ лишается и удовольствія єды, и пользы пищеваренія. Обыкновенно этой вредной для здоровья привычкѣ потворствуютъ дѣловые люди въ большихъ городахъ и американцы, находящіеся постоянно въ лихорадкѣ демократического возбужденія; но нерѣдко и студенты и ученые не свободны отъ этого искуса. Яростные читатели имѣютъ обыкновеніе не только наскоро глотать свой завтракъ или обѣдъ, чтобы какъ можно скрѣе опять приняться за чтеніе, но иногда и читать во

время самой єды; такимъ образомъ они призываютъ природу производить работу, исходя разомъ изъ двухъ различныхъ жизненныхъ центровъ — головного мозга и желудка — и тѣмъ, конечно, разслабляютъ и тотъ и другой. Попечивать чаю, держа въ рукахъ Лукіана или Аристофана, можетъ быть и пріятно, и полезно; но обѣдъ — дѣло болѣе серьёзное, которому слѣдуетъ отдаваться всецѣло — *totus in illis*; «цѣлостный человѣкъ для единаго дѣла въ единое время!», какъ говоривалъ канцлеръ Тэрло (Thurlow). Хорошо, если обѣдъ будетъ пріправленъ пріятною бѣдою; еще лучше, если онъ можетъ иногда сопровождаться и легкою музыкою; но никогда онъ не долженъ нарушаться тяжелыми мыслями или запутанными проблемами. Въ этомъ отношеніи обычай английскихъ и немецкихъ студентовъ обѣдать въ сообществѣ съ другими заслуживаетъ предпочтенія передъ одинокой трапезой, совершающей бѣдными шотландскими студентами въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ.

Наравнѣ съ хорошимъ качествомъ пищи слѣдуетъ непремѣнно домогаться и нѣкотораго разнообразія ея. Стимулъ новизны, присущий разнообразію, увеличиваетъ аппетитъ; кроме того, сама природа, при своихъ обильныхъ и прекрасныхъ средствахъ, энергически протестуетъ противъ однообразія. Наконецъ, и здравый смыслъ требуетъ избѣгать того, чтобы желудокъ сдѣлался рабомъ какого бы то ни было рода пищи. Въ случаѣ перемѣны обстоя-

тельствъ, быть-можетъ, придется обойтись и безъ любимаго кушанья; а потому, чтобы съхранить свой комфортъ, вашъ методический єдокъ долженъ ограничить свои привычки и съузить предѣлы своего существованія до опредѣленной области, въ которой бы онъ могъ правильно питаться отпускаемою ему порціею. Что же касается до питья, то нѣтъ надобности говорить, что имѣть за обѣдомъ стаканъ хорошаго пива или вина всегда пріятно, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ напитки эти могутъ быть полезны и даже необходимы для пищеваренія; но здоровые молодые люди собственно не нуждаются въ такомъ возбудительномъ средствѣ, а потому не должны и прибѣгать къ нему; и чѣмъ болѣе бѣдный студентъ можетъ сберечь денегъ, отказываясь отъ ненужныхъ и вредныхъ прихотей, подобныхъ вину и табаку, тѣмъ лучше. Почтенная вода, во всякомъ случаѣ, имѣеть то достоинство, что она никого еще не вводила въ грѣхъ, и можно по справедливости сказать, что какъ бы благотворно ни было дѣйствіе водки на сырому болотѣ или на холодной вершинѣ нагорной страны, употребленіе ея, обратившись въ привычку, никому еще не придало ни красоты, ни силы. Кто воздержится совершенно отъ водки, тотъ не умретъ въ канавѣ и всегда будетъ имѣть въ карманѣ лишній грошъ и для себя, и для друга въ нуждѣ.

IV. Считаю нужнымъ предостеречь студентовъ особенно отъ вреднаго вліянія запертой

комнаты и дурной вентиляції. Нечистый воздухъ отнюдь не можетъ способствовать очищенію крови, а нечистая кровь разрушаетъ весь организмъ. Къ несчастію, вредное дѣйствіе нечистаго воздуха не обнаруживается непосредственно, и потому легкомысленные люди,—къ которымъ, кажется, принадлежитъ большинство людей,—продолжаютъ вдыхать испорченный воздухъ, не замѣчая вовсе, что они вдыхаютъ ядъ. А между тѣмъ, кому неизвѣстно, что тѣ бѣдствія всегда наиболѣе опасны, приближеніе которыхъ менѣе всего замѣтно. Поэтому студентъ, занимающій небольшую комнату, долженъ каждый разъ, какъ выходитъ со двора, отворять окно; въ теплое же время года оно можетъ оставаться отвореннымъ и днемъ и ночью, если только оно не расположено такъ, что производить сквозной вѣтеръ въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится кровать.

V. Нужно ли говорить о снѣ?—Казалось бы, нѣтъ. Въ этомъ отношеніи, надо полагать, природа сама себя удовлетворяетъ. Пусть молодой человѣкъ спить, когда его одолѣваетъ сонъ, и встаетъ, когда пѣние пѣтуха или утреннее солнце не даетъ ему долѣ спать. Всегда хорошо слѣдовать природѣ, предоставивъ ей дѣйствовать совершенно свободно; но, къ сожалѣнію, люди такъ часто, такъ много обманываютъ ее и излѣваются надъ нею, что общее указаніе на природу нерѣдко становится безполезнымъ общимъ мѣстомъ. Относительно сна, молодые

люди, занимающиеся науками, оказываются особенно большими грѣшниками; да, можно сказать, что всѣ ихъ занятія — прегрѣшеніе противъ отдыха, и необходимы самыя строгія предохранительныя мѣры, чтобы отвратить нѣкоторыя захваты мыслящихъ людей въ священной области сна. Раздраженіе головного мозга, подобно крѣпкому кофе, есть прямой противникъ сна; поэтому человѣкъ, занимающейся науками, долженъ распредѣлять часы дневной работы своей такъ, чтобы болѣе возбудительное и раздражительное напряженіе мозга никогда не продолжалось до самаго отхода ко сну: послѣдняя работа дня должна быть всегда относительно легкая и удобная, или же скучная и наводящая дремоту; но гораздо лучше еще за часъ до сна пройтись на свѣжемъ воздухѣ, или поболтать о чѣмъ-нибудь съ товарищемъ, а за неимѣніемъ такого — хоть съ хозяиномъ квартиры. Въ такомъ случаѣ нечего будетъ опасаться, что природа, предоставленная себѣ самой, безъ искусственныхъ средствъ не найдетъ необходимой ей мѣры покоя. Относительно точной величины этой мѣры нельзѧ установить правила; менѣе шести и болѣе восьми часовъ сна, какъ показываетъ общий опытъ, должно всегда считаться исключениемъ. Студентъ, употребляющій на прогулку по крайней мѣрѣ два часа въ день, да на усиленную головную работу отъ 8 до 9 часовъ, легко самъ найдетъ ту естественную мѣру сна, въ которой онъ нуждается, для того чтобы не чувствовать лихорадочнаго состоянія

и вялости, этихъ необходимыхъ послѣдствій искусственно продолженнаго бдѣнія.

Что же касается до раннаго вставанія, которое играетъ не маловажную роль во многихъ замѣчательныхъ бiографiяхъ, то я о немъ могу сказать лишь весьма немногое, такъ-какъ въ этой добродѣтели я никогда не былъ въ состояніи упражняться. Нѣтъ однако ни малѣйшаго сомнѣнія, что привычка рано вставать, если она пріобрѣтается естественнымъ и легкимъ путемъ, весьма благопріятна для здоровья; и при извѣстныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ напр. находился знаменитый баронъ Бунзенъ^{*}), проводившій день всегда въ различныхъ дѣлахъ и хлопотахъ, утренніе часы очевидно оказываются наиболѣе удобными для ученыхъ изслѣдованій и благоговѣйныхъ размышленій.

VI. О пользѣ купаній и воды, какъ гигиеническаго средства, я могу говорить съ увѣренностью, такъ-какъ я неоднократно посещалъ различные извѣстныя водолечебныя заведенія и тщательно изучилъ какъ принципы, такъ и практику этой терапевтической отрасли. Названиемъ «гидропатія» (водолеченіе) весьма неточно выражается то превосходное пользованіе, которому подвергается пациентъ. Леченіе это представляеть вѣрно разсчитанную комбинацію физического напряженія, досуга, диеты,

^{*}) Карлъ Йосіа Бунзенъ (1791—1860 г.), знаменитый богословъ и дипломатъ; былъ другомъ прусского короля Фридриха-Вильгельма IV и долгое время жилъ въ Лондонѣ.

удовольствія, общежитія и воды, примѣняемой различнымъ образомъ съ цѣлью возбудить естественную влагоотдѣляющую дѣятельность кожи. Всякій пойметъ, что вліянія, служація къ подъему всей тѣлесной системы, въ такой комбинаціи должны быть въ высшей степени благотворны для здоровья. Правда, лечение это, производимое въ специальныхъ заведеніяхъ, подъ наблюдениемъ опытныхъ врачей, обходится довольно дорого; но къ утѣшению всѣхъ небогатыхъ людей вообще, и студентовъ въ особенности, я могу сказать, что нѣкоторыя части этой методы лечения могутъ быть, безъ всякой опасности и безъ всякихъ расходовъ, перенесены въ обыденную жизнь каждого человѣка. Гдѣ есть вода, тамъ не трудно устроить себѣ по утрамъ правильное купанье, которое всегда имѣть укрѣпляющее дѣйствие на человѣка не слишкомъ слабой комплексіи; если же добываніе воды сопряжено съ неудобствами, то съ тою же пользою можетъ быть употреблена вымоченная и хорошо выжатая простыня. Тѣло должно быть совершенно укутано простынею и сильно потираться ею; за тѣмъ мокрую простыню замѣняютъ сухою и ею трутъ тѣло до тѣхъ поръ, пока не разгорится вся кожа. Это лучшее предохранительное средство отъ всѣхъ нарушеній дѣятельности кожи, столь обычныхъ и непріятныхъ въ нашемъ непостоянномъ климатѣ. Для употребляемыхъ же при этомъ простынь лучше всего брать простую, дерюгу. Понятно, что болѣе или менѣе благотворное

дѣйствие мокрой простыни и тренія обусловливается реактивною способностью каждого организма; но во всякомъ случаѣ въ молодыхъ людяхъ здороваго тѣлосложенія и пріученныхъ къ труду и напряженію, не можетъ быть недостатка въ необходимой реакціи. Конечно, особы флегматическія и нѣжныя не должны подвергать тѣло свое вліянію холодной воды, не принявъ необходимыхъ мѣръ предосторожности и не посовѣтовавшись предварительно съ людьми болѣе опытными въ этомъ дѣлѣ.

VII. То, что я еще имѣю сказать о здоровьѣ, относится къ совершенно другому отдѣлу. Никто не можетъ сохранить здоровье однимъ тѣмъ, что будетъ внимателенъ къ своему желудку. Если тѣло, представляющее удивительно сложную машину, имѣть поддерживающее вліяніе на духъ, то духъ, составляющій, подобно пару въ локомотивѣ, двигательную силу этой машины, при недостаткѣ контроля и регулятора, легко можетъ, въ порывѣ чрезмѣрного растяженія, взорвать всю машину и поломать въ ней все колеса и винты. Никакое отправленіе тѣла не можетъ долгое время совершаться правильно безъ строгаго контроля со стороны хорошо дисциплинированной воли. Всѣ чисто физическія силы въ человѣкѣ, будучи освобождены отъ верховнаго надзора «царственной воли», какъ ее называетъ Платонъ, имѣютъ большую склонность къ лихорадочному броженію и разрушенію. Музыка хорошо настроен-

ныхъ душевныхъ движений передаетъ гармонію свою струнамъ физической машины, а охрана отъ внезапныхъ порывовъ слѣпого произвола избавляетъ сердце отъ сильныхъ и неправильныхъ бѣній, преждевременно истощающихъ его жизненную силу. Поэтому, если хотите быть здоровы, будьте добры; хотите быть добры, будьте мудры; а хотите быть мудры, будьте благочестивы и богобоязненны; ибо страхъ Божій есть начало премудрости. О томъ, что подъ этимъ слѣдуетъ разумѣть, будетъ рѣчь на слѣдующихъ страницахъ.

О НРАВСТВЕННОМЪ ВОСПИТАНИИ.

Μέγας γάρ ὁ ἀγῶν, μέγας, οὐχ ὅσος
δοκεῖ, τὸ κρυπτὸν τῆς κακοῦ γενέσθαι.
Платон. *)

I. Мы дошли теперь до самой важной изъ трехъ частей самовоспитанія. Нравственная природа человѣка надѣляетъ его и двигательною, и регулирующею силой, которая въ дѣйствительности есть правительница, госпожа и законная владѣтельница всей машины. Поэтому нравственное достоинство, по справедливости, считается, необходимымъ началомъ человѣческаго величія, въ какой бы формѣ оно ни проявлялось. Человѣкъ можетъ быть красивъ, умень, силенъ, росль въ какой угодно степени, и при всемъ этомъ, если въ немъ неѣтъ доброты, онъ пошлякъ; и даже та высота, которой онъ повидимому достигаетъ въ своихъ самыхъ блестящихъ подвигахъ, есть только блестящая пошлость. Наполеонъ I, въ своеемъ громовомъ раскатѣ надъ нашимъ западнымъ міромъ, былъ замѣчательный примѣръ сверхчеловѣческой си-

*) Велика борьба, больше, чѣмъ кажется, стать ли добрымъ или злымъ. Платона.

лы въ человѣческомъ образѣ, безъ всякаго дѣйствительно человѣческаго величія. Нельзя утверждать, чтобы онъ отъ природы былъ, что называется, дурнымъ человѣкомъ; но, предавшись совершенно идею военныхъ завоеваний и политического владычества, онъ не имѣлъ случая упражняться въ добродѣтеляхъ и достигнуть какой бы то ни было степени того высшаго достоинства, которое береть начало свое въ самоотверженіи; и такъ жилъ и умеръ онъ, судя съ нравственной точки зрѣнія, весьма жалкимъ и маленькимъ человѣкомъ. Но не однимъ только завоевателямъ и политическимъ дѣятелямъ не удается достигнуть дѣйствительнаго величія, за недостаткомъ нравственной основы. «Едва ли», говоритъ Гартли, «что-нибудь можетъ превзойти чванство, самомнѣніе, высокомѣріе, соперничество и зависть, встречаemыя между выдающимися профессорами филологии, математики, естествовѣдѣнія и даже богословія.»*) И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Нравственная природа, какъ и всякая другая, требуетъ для достиженія извѣстной степени превосходства особенной холи; а такъ-какъ страсти наши, подобно вѣтрамъ, лишь съ трудомъ подчиняются контролю, поступки же наши проискаютъ изъ нашихъ страстей: то изъ этого слѣдуетъ, что *нравственное превосходство* ни въ какомъ случаѣ не достигается

*) Hartley: «Observations on the Mind» Наблюденія надъ человѣкомъ). London 1749, vol. II, p. 255.

съ легкостью; достиженіе же высшихъ степеней этого превосходства должно считаться самымъ труднымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ благороднымъ дѣломъ вполнѣ развитой человѣчности. Байрону легко было быть великимъ поэтомъ; ему оставалось только слѣдовать своей природѣ; онъ былъ орелъ, и не могъ не летать. Но обуздатъ свой буйный нравъ, укротить свое раздраженное негодованіе и научиться вести себя, какъ подобаетъ разумному и порядочному человѣку,—было дѣломъ труднымъ, за которое онъ, кажется, никогда серьезно не принимался. Поэтому жизнь его, при всей гениальности его и отдельныхъ проблескахъ величія, вообще потерпѣла страшную неудачу и можетъ служить серьезнымъ предостереженіемъ для всѣхъ, кто не прочь поучиться изъ чужого примѣра. Другой блестящій маякъ на скалѣ, о которую разбивались великие таланты вслѣдствіе неразвитія въ нихъ безкорыстія,—былъ Вальтеръ Саваджъ Ландоръ, владѣвшій слогомъ въ такомъ совершенствѣ, какъ быть-можетъ никто другой въ Англіи, но въ то же время человѣкъ до того деспотически своевольный и грандіозно упрямый, что, не смотря на прекрасный слогъ и высказанныя имъ въ различныхъ сочиненіяхъ остроумныя мысли, всю жизнь свою проводилъ въ состояніи, близкомъ къ умопомѣшательству. Поэтому пусть каждый, кто не желаетъ на жизненномъ пути своемъ претерпѣть крушеніе, твердо запечатлѣТЬ въ душѣ своей великую истину писанія: «Одно только нужно!» Ни де-

негъ, ни могущества, ни ума, ни славы, ни свободы не нужно; даже здоровье не единое, что нужно, нуженъ только *характеръ*; только вполнѣ и правильно развитая воля можетъ истинно спасти насъ, и если мы не будемъ спасены въ этомъ смыслѣ, то должны быть осуждены на вѣчную муку. Въ этомъ отношеніи нѣтъ безразличной точки, на которой можно было бы успокоиться и сказать себѣ: «Если я не сдѣлаюсь лучше, то навѣрное не сдѣлаюсь хуже». Безкорыстная сторона человѣческой природы, оставаясь неразвитою, должна, подобно всякому другому упущенному от правленію, умалиться и проявлять все болѣе склонность къ жизненности, все болѣе уродливыя отношения. Поэтому да препояшемъ наши чресла и выкажемъ себя мужами; и такъ-какъ намъ суждено пользоваться жизнью, этимъ золотымъ Божиимъ даромъ, только однажды, то будемъ вести жизнь достойную.

II. Прежде чѣмъ приступить къ подробностямъ, полезно будетъ указать вкратцѣ на связь между нравственностью и благочестіемъ, которая не всегда правильно понимается. Нѣкая школа британскихъ моралистовъ, начиная съ Йереміи Бентама, пыталась начертать схему нравственности безъ всякаго отношенія къ религії, что, по меньшей мѣрѣ, представляетъ разъединеніе совершенно неестественное и явный признакъ извѣстной ограниченности и несовершенства въ складѣ ума тѣхъ, кто при-

держивается этого взгляда. Нѣть сомнѣнія, что профессоръ философіи, подобный древнему Эпикуру, можетъ быть, что называется въ свѣтѣ, очень добрымъ человѣкомъ и вести вполнѣ беспорочную жизнь, оставаясь въ томъ убѣждѣніи, что величественное математическое построение этого великоглѣбнаго міра есть произведеніе лишь случайного стеченія слѣпыхъ атомовъ; и я вѣрю, что въ наши дни не много найдется столь достойныхъ и дѣйствительно добродѣтельныхъ людей, какъ тѣ, въ устахъ которыхъ только и слышится, что «законы природы, неизмѣнное слѣдствіе, естественный подборъ, благопріятныя условия счастливаго соединенія виѣшнихъ обстоятельствъ» и много другихъ подобныхъ же фразъ, повидимому объясняющихъ мірозданіе независимо отъ *духа*. Но для здороваго человѣческаго чувства въ этомъ фазисѣ нравственности есть что-то несообразное или, лучше сказать, ненормальное. Это подобно тому, какъ еслибы добрый гражданинъ въ монархіи, бездоимочно и охотно платящій всѣ свои подати, готовый добросовѣстно отслужить свое время въ войскѣ и храбро сражаться за отечество, въ то же время отказался снять шляпу свою при встрѣчѣ съ монархомъ. Если такое странное поведеніе и не служитъ еще признакомъ неблагонамѣренности, то во всякомъ случаѣ всѣ порядочные люди вправѣ смотрѣть на такого человѣка какъ на невѣжу, не имѣющаго понятія о самыхъ простыхъ условіяхъ приличія, или, по крайней

мѣрѣ, какъ на чудака. Такіе же чудаки и тѣ ученые, которые не признаютъ божественнаго начала; это, большою частію, люди, лишенные всякаго высшаго вдохновенія, питающіе очень высокое мнѣніе о своемъ ничтожномъ знаніи и, въ дѣйствительности, прикасающіеся своими неулюжими сяжками только къ тому, что можно ощупать, осмотрѣть, измѣрить, распределить и разложить. Но существуетъ нечто, стоящее выше всего осозаемаго, выше всѣхъ микроскоповъ и всѣхъ любопытныхъ діагнозовъ, и это просто-на-просто—*жизнь*; а жизнь не что иное какъ дѣйствующій *разум*, а дѣйствующій разумъ только другое название *Бога*. Не признавать этого высшаго факта то же самое, что хотѣть понять паровую машину независимо отъ ума Джемса Ватта, ея изобрѣтателя; это значитъ начертить планъ водопроводовъ для большого города, не указавъ источника, изъ котораго будетъ браться вода; это значитъ упустить тотъ фактъ, которымъ обусловливаются всѣ остальные факты, словомъ, значитъ — оставить тѣло безъ головы. Поэтому молодой человѣкъ отнюдь не долженъ довольствоваться одною изъ тѣхъ холодныхъ нравственныхъ системъ настоящаго времени, которая сшила нищенскій перечень добродѣтелей изъ виѣшней индукціи. Источникомъ высшей нравственности служитъ внутреннее вдохновеніе, а питатель этого источника есть *Богъ*.

III. Разсмотримъ теперь порознь некоторыя изъ тѣхъ добродѣтелей, къ усвоенію которыхъ

должны стремиться молодые люди, желающіе достойно пользоваться божественнымъ даромъ жизни. Каждое время и каждое положеніе въ свѣтѣ ставятъ свои настоятельныя требованія и представляютъ особенно удобный случай для славной побѣды или для позорного пораженія въ великой жизненной битвѣ. Первоцѣтъ ростеть только весною; и некоторыя добродѣтели, не пустивъ сильныхъ ростковъ въ юности, едва ли дадутъ роскошную листву въ поздній-шемъ возрастѣ.

IV. Первая добродѣтель—повиновеніе. Въ новѣйшее время очень много толкуютъ о свободѣ; и неѣтъ сомнѣнія, что свобода—вещь прекрасная и всѣми здравомыслящими людьми въ высшей степени уважается. Но необходимо опредѣленно знать, что значитъ свобода. Это значитъ только, что человѣкъ не долженъ встрѣчать какихъ-либо условныхъ, искусственныхъ и мучительныхъ препонъ къ проявленію и развитію всѣхъ данныхъ ему отъ природы силъ и способностей. Такая свобода конечно благо, но съ нею далеко не уйти. Она опредѣляетъ лишь отправную точку для жизненного ристанья; она указываетъ человѣку помостъ для игры, но отнюдь не знакомитъ его съ тою ролью, которую ему придется играть, ни съ характеромъ этой роли. За исключеніемъ этой необходимой отправной точки, всякая дѣятельность въ жизни представляетъ только рядъ ограниченій, и потому никакъ не можетъ называться свободою. Установленіе какого бы ни было порядка

есть уже ограничение; порядок же есть только иное название разумного существования. А такъ-какъ порядки, которымъ люди должны подчиняться, большою частю, установлены не ими самими добровольно, а другими, для общей пользы общества: то изъ этого слѣдуетъ, что каждый, желающій быть полезнымъ членомъ какой-либо соціальной системы, прежде всего долженъ пріучиться къ *повиновенію*. Юстиція, войско, церковь, государственная служба, каждое поприще жизни и каждая область дѣятельности представляютъ только воплощенія илюстраціи этого принципа. Свобода, конечно, предоставляется индивиду въ его индивидуальной сферѣ. Не предоставлять ему никакой свободы значило бы обратить его въ автомата и уничтожить его человѣчность; но колѣ скоро онъ занимаетъ какое-нибудь общественное положеніе, то не можетъ быть свободенъ отъ тѣхъ ограничений, которыя связываютъ все въ одно опредѣленное и нераздѣльное цѣлое. Стоя же на высшей ступени общественной лѣстницы, онъ, подобно папѣ—*servus servorum*—тѣмъ болѣе рабъ. Головной мозгъ долженъ подчиняться законамъ организма отнюдь не менѣе, чѣмъ имъ подчиняется нога. Законное повиновеніе составляетъ одновременно и долгъ и благоденствіе каждого члена общества. Св. апостолъ Павелъ, со свойственными ему силою, жаромъ и прозорливостью, превосходно разработалъ эту тему, и если когда-нибудь вами овладеетъ чувство негодованія и вы воз-

мутитесь тягостью возложенныхъ на васъ обязанностей въ общественномъ организмѣ, то прочтите со вниманіемъ главу 12, ст. 14 — 31, Перваго посланія къ коринѳянамъ. Всякая случайность или своевольное дѣйствіе есть трещина въ дверяхъ, которая, постепенно расширяясь, даstъ возможность войти хаосу. Римскій историкъ Ливій приводитъ, какъ замѣчательную черту въ характерѣ Аннібала, то обстоятельство, что онъ умѣлъ такъ же хорошо повиноваться, какъ и повелѣвать. Повиноваться и повелѣвать, безъ сомнѣнія, противоположны другъ другу; но тѣмъ не менѣе первое служитъ лучшою подготовкою для послѣдняго; ибо кто привыкъ только повелѣвать, не можетъ знать тѣхъ предѣловъ, въ которыхъ, для собственной пользы, заключенъ всякий авторитетъ. Поэтому пусть юноши пріучаются къ древнеримскому подчиненію авторитету какъ къ добродѣтели, наиболѣе характеристической для общества и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе соответствующей не созрѣвшему еще вполнѣ возрасту. Пусть приказанное высшимъ авторитетомъ исполняется только потому, что оно приказано, и пусть исполняется въ точности. Никакія другія качества не рекомендуютъ молодого человѣка въ такой степени его начальству, какъ исправность и точность въ исполненіи всѣхъ возлагаемыхъ на него обязанностей. И неудивительно. Отъ тщательности, съ какою каждый отдѣльный дѣятель рѣшаетъ свою специальную задачу, зависитъ удобный и легкій ходъ всей машины. При

сложныхъ задачахъ общественной жизни, недостатокъ въ повиновеніи не можетъ быть возмѣщенъ никакимъ геніемъ, никакимъ талантомъ. Если часы идутъ невѣрно, то никто не знаетъ времени дня; и если данная вамъ задача составляетъ необходимое звено въ цѣпи труда другого человѣка, то вы для него то же, что часы, и онъ долженъ положиться на васъ. Величайшая похвала, которая можетъ быть воздана члену какого-либо общества, заключается въ слѣдующихъ словахъ: *Вотъ человѣкъ, дѣлающій всегда то, чего отъ него требуютъ, и являющійся всегда въ тотъ самый часъ, когда его ожидаютъ.*

V. Слѣдующая великая добродѣтель, въ которой молодой человѣкъ долженъ упражняться, состоить въ правдивости. Подобно Платону, я убѣжденъ, что ложь ненавистна отъ природы и богамъ, и людямъ. И молодые люди въ особенности отъ природы правдивы; но страхъ и тщеславіе, а также различныя вліянія и эгоистическіе интересы, могутъ задержать и заглушить этотъ инстинктъ до того, что къ зрѣлому возрасту человѣкъ становится совершеннымъ пошлякомъ. Въ одной изъ политическихъ брошюръ своихъ Джонъ Стюартъ Милль сказалъ рабочимъ классамъ Англіи, что они большею частию лжецы; тѣмъ не менѣе онъ отпустилъ имъ комплиментъ, сказавъ, что они единственный рабочій классъ въ Европѣ, внутренне стыдящійся тѣхъ низостей, которыхъ совершаютъ.

При первомъ вступлениі въ жизнь молодой человѣкъ долженъ твердо запечатлѣть въ душѣ своей, что онъ живеть въ мірѣ суровыхъ реальностей, гдѣ ложная вѣшность не можетъ долго выдаваться за сущность. Выступая какъ членъ общества, онъ долженъ всячески стараться быть лучше, чѣмъ онъ кажется, и никогда не казаться лучшимъ, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Оѣ үар докеи әрістос әлл' үінди үелә. *) Кто старается, въ какомъ бы ни было дѣлѣ, выказать блестящую наружность, которой не соответствуетъ внутреннее содержаніе, тотъ действуетъ обманомъ, т. е. тою же ложью, которая конечно можетъ вывести его изъ моментального затрудненія, но, подобно посеребренной мѣди, въ свое время будетъ узнана. Накладному серебру не устоять противъ обтирки и порчи подобно настоящему серебру; это вѣрно. Къ такого рода общественной лжи дѣловыхъ людей побуждаетъ, главнымъ образомъ, корысть, молодыхъ же людей лѣни, тщеславіе или трусость; поэтому молодой человѣкъ долженъ быть въ особенности на сторожѣ относительно этихъ трехъ пороковъ. У лѣнивыхъ людей никогда не бываетъ приготовлено то, чего отъ нихъ требуютъ, и потому они замыняютъ требуемое чѣмъ-нибудь другимъ, подложнымъ, совершенно такъ, какъ школьникъ, вызванный переводить главу изъ греческаго или латинскаго автора, читаетъ ее по готовому

*) Ибо не казаться лучшимъ, но быть имъ хотеть онъ.

переводу, помѣщенному на противоположной страницѣ. Развѣ это не ложь? — Учитель желаетъ знать, что у васъ въ головѣ, а вы предлагаете ему то, что у васъ на бумажкѣ и что вовсе не продуктъ вашего размышенія. Всякая слабая, легкая и поверхностная работа, въ дѣйствительности, ложь, которой человѣкъ долженъ бы быть стыдиться. Тщеславіе — другая побудительная причина ко лжи. Изъ желанія казаться лучше другихъ, малосвѣдущій и неопытный молодой человѣкъ нерѣдко показываетъ видъ, что обладаетъ знаніями, которыхъ у него на самомъ дѣлѣ нѣтъ, и вслѣдствіе этого легко привыкаетъ разсуждать обо всемъ съ важностью, для того чтобы внушить другимъ высокое мнѣніе объ его личности. Между-тѣмъ молодой человѣкъ долженъ какъ можно раньше пріучиться къ тому, чтобы честно признаваться въ своемъ незнаніи; это принесетъ ему гораздо болѣе пользы въ жизни. Искусственные же приемы, посредствомъ которыхъ онъ старается скрыть отъ другихъ свое невѣжество, легко могутъ войти въ привычку и наконецъ скрыть это невѣжество отъ него самого; такимъ образомъ онъ всю жизнь свою будетъ довольствоваться обманчивою вѣшностью, которой не соотвѣтствуетъ никакое реальное содержаніе. Но недостатокъ смѣлости еще гораздо скорѣе, чѣмъ тщеславіе, можетъ быть причиной сильного искушения для молодого человѣка. Нельзя сказать, чтобы самомнѣніе, весьма естественное въ молодыхъ людяхъ, находило особенно удоб-

ную почву для своего развитія; все наше общество находится какъ бы въ постоянномъ заговорѣ противъ всякаго поползновенія къ кичливости, проявляющагося въ отдѣльныхъ членахъ его. Скромность и нѣкоторая робость, конечно, качества хорошія; но кто, вступая въ жизнь, боится сказать то, что думаетъ, легко можетъ кончить тѣмъ, что будетъ бояться мыслить о томъ, чего желаетъ. Нравственная смѣлость, можно сказать, есть самая доблестная, но вмѣстѣ съ тѣмъ, безспорно, и самая рѣдкая общественная добродѣтель. Противъ нея нерѣдко употребляются, какъ оружія, самыя почтенные преданія и учрежденія общества и даже нѣкоторая изъ самыхъ естественныхъ и деликатныхъ человѣческихъ чувствъ; для того чтобы въ такихъ случаяхъ говорить смѣло истину, понятно, требуется такое сочетаніе рѣшиимости и такта, какимъ обладаютъ весьма немногіе люди. Нѣтъ, конечно, никакой необходимости говорить всегда и вездѣ всю истину, которую вамъ удалось узнать; нѣтъ ничего досаднѣе истины, идущей на перекорь извѣстнымъ общественнымъ интересамъ, учрежденіямъ и страстямъ; повода же къ такой досадѣ, хотя онъ иногда и неизбѣженъ и необходимъ, отнюдь не слѣдуетъ искать во что бы то ни стало. Къ такому случаю какъ нельзя болѣе примѣнимо изреченіе Св. Писанія: «Будьте мудры, какъ змii, и просты, какъ голуби». Тѣмъ не менѣе бываютъ случаи, когда человѣкъ обязанъ говорить смѣло, хотя бы при этомъ и пришлось

безцеремонно потрепать бороду какого-нибудь почтенного авторитета. Кто на это не решается, тот трусь и подлецъ, и отнюдь не можетъ быть оправданъ тѣмъ, что у него девятьсотъ девяностодевять малодушныхъ послѣдователей.

VI. Лучшаго совѣта я не могу дать молодымъ людямъ, какъ никогда не оставаться праздными. Это одно изъ тѣхъ отрицательныхъ правилъ; которыя не сообщаютъ волѣ двигательной силы; но если отрицанія, повидимому, и не могутъ избавить насъ отъ лукаваго, то они все-таки нерѣдко служатъ пригоднымъ средствомъ для сближенія съ духомъ добра. Нѣть, конечно, никакой надобности обставлять дѣятельность свою стѣнной неизмѣнныхъ правилъ, такой формальный педантизмъ происходитъ отъ узости взгляда и можетъ повести къ еще большей узости; но чрезвычайно важно, какъ можно раньше, пріучаться къ бережливому употребленію времени, а это возможно только введеніемъ порядка и системы. Молодой человѣкъ, правильно посвящающій известное количество времени опредѣленной работѣ, не можетъ слишкомъ уклониться отъ вѣрнаго пути. Какъ велико должно быть это количество времени, зависитъ конечно отъ обстоятельствъ; но во всякомъ случаѣ оно должно быть наполнено тѣмъ-нибудь опредѣленнымъ. Одинъ часъ, настойчиво посвящаемый каждый день одному и тому же дѣлу, дастъ къ

концу года, подобно посѣву, обильный урожай. Занятія же на обумъ и перескакиваніе отъ одной работы къ другой безъ плана и цѣли, относительно умственнаго результата, не многимъ лучше безусловной праздности. Праздный человѣкъ подобенъ хозяину, оставляющій всѣ двери дома открытыми для всякаго вора. Отъ многихъ золь охраненъ тотъ человѣкъ, который можетъ сказать, что у него нѣть времени для пустяковъ, нѣть охоты къ безразсуднымъ развлеченіямъ, нѣть надобности въ тѣхъ возбудительныхъ средствахъ, которыя разрѣшаются пустою щекоткой, — что разнообразіе дѣятельности составляетъ его величайшее удовольствіе и что, когда какая-нибудь работа окончена, онъ умѣеть проводить время въ бездѣйствій, и въ пріятномъ покоѣ приготовиться къ новому ряду работъ. Лучшее предохранительное средство отъ лѣни заключается въ серьезнѣмъ взглядѣ на жизнь. Что бы люди ни говорили о мірѣ, но ни въ какомъ случаѣ онъ не назначенъ служить поприщемъ для шутовства; на подмосткахъ, гдѣ всѣ въ работѣ, праздность можетъ повести лишь къ крушенію и погибели. „Жизнь коротка, искусство долго, случай мимолетенъ, опытъ ненадеженъ, сужденіе трудно.“ Это первыя слова медицинскихъ афоризмовъ мудраго Гипократа; они были прибиты, какъ предостереженіе, къ портику все-благой врачебной науки болѣе 500 лѣтъ до Рождества Христова, и теперь еще составляютъ лучший девизъ, который человѣкъ можетъ

принять въ руководство, какой бы сферѣ общественной деятельности онъ ни посвятилъ себя.

VII. Оглядываясь кругомъ въ мірѣ, чтобы открыть причину печального недостатка энергіи, проявляющагося нерѣдко и въ лучшихъ предпріятіяхъ, мы найдемъ, что недостатокъ этотъ обыкновенно происходит отъ нѣкоторой узости взгляда. Человѣкъ не желаетъ содѣствовать вамъ въ томъ или другомъ благомъ предпріятіи только потому, что онъ этому не сочувствуетъ. Есть не мало людей, представляющихъ собою родъ человѣческихъ омаровъ; они заключены въ твердой скорлупѣ, состоящей изъ какой-нибудь профессіональной, церковной, политической или научной коры, и осторожно ползутъ своей дорогой по избитымъ колеямъ, даѣте которыхъ желанія ихъ не прощаются. Скудная и неспособная къ расширению жизнь такихъ людей показываетъ намъ, что именно нужно для достиженія болѣе обширного и богатаго круга общественной жизни. Восьмидесятилѣтній поэтъ-философъ Гёте, при послѣднемъ издыханіи своемъ, воскликнулъ: «Побольше свету!» Каждому же молодому человѣку, желающему спастись отъ гнетущей коры профессіи и другихъ житейскихъ отношеній, слѣдовало бы ежедневно восклицать: «Побольше любви!» Люди зачастую бываютъ довольно смѣтливы, но они не знаютъ, что лѣтать со своею смѣтливостью; они хороши

воины, но имъ не за кого сражаться, или же они сражаются за дѣло нехорошое. У нихъ недостаетъ любви. Совѣтъ великаго апостола: «Плачте съ плачущими и радуйтесь съ радующимися», будучи всѣми принятъ къ сердцу, обогатилъ бы жизнь каждого человѣка общимъ сочувствіемъ настолько же, насколько воображеніе Шекспира обогатило міръ поэтическими образами. Не всякий можетъ быть поэтомъ; но всякий можетъ въ нѣкоторой степени развить въ себѣ ту благотворную и живительную впечатлительность, которую обусловливается зачатіе и оцѣнка поэтическихъ произведеній. Вести поэтическую жизнь во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ подвизаться на поэтическомъ поприщѣ какъ писатель, — лучше не только для отдѣльного человѣка, но и для общества. Поэтическая же жизнь какъ разъ противоположна однобразію и эгоизму: все доброе и прекрасное, гдѣ бы оно ни проявлялось, воспринимается ею жадно, какъ свойственная ей пища. Поэтому пусть юноша пуще всего остерегается замыкать себя въ опредѣленный кругъ симпатій и относиться къ другимъ съ неразумною ненавистью и предразсудками. Правда, иногда честный ненавистникъ оказывается лучшимъ товарищемъ, нежели холодный другъ; но лучше вообще не питать ненависти вовсе. Добрый человѣкъ старается входить, какъ можно чаще, въ общеніе съ другими людьми и изучать достоинства тѣхъ лицъ и партій, которымъ онъ по природѣ своей противоположенъ. То была

замѣчательная черта въ характерѣ Бентама, главы утилитарной школы этиковъ, что онъ старался понять два такихъ противоположныхъ характера, какъ Кольриджъ и Томасъ Карлайлъ, относясь къ тому и другому одинаково безпристрастно и добродушно.*). Никогда не позволяйте себѣ съ насмѣшкою отзываться о цѣломъ классѣ, цѣлой корпорации людей; подобнаго рода выходки хотя иногда и кажутся остроумными, но на самомъ дѣлѣ не имѣютъ смысла и отзываются ребячествомъ. Никогда не отказывайте человѣку въ уваженіи потому, что всѣ возстаютъ противъ него, или потому, что онъ принадлежитъ къ сектѣ или партії, всѣми презираемой; если большинство противъ него возстаетъ, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ случалось и съ лучшими людьми, то тѣмъ необходимо, чтобы ваше сужденіе о немъ было доброжелательное. «Всѣхъ почтайте!» — одно изъ многихъ изреченій, святыхъ и мудрыхъ, которыми такъ богатъ Новый Завѣтъ. Но слѣдовать этому совѣту вы можете не иначе, какъ пытаясь узнать людей; не узнаете же вы никого до тѣхъ поръ, пока не подмѣтите окомъ братца лучшія его качества.

*) Самуилъ Телеръ Кольриджъ (1772 — 1834), замѣчательный англійскій поэтъ, въ начальѣ ярый республиканецъ, а впослѣдствія роялистъ и приверженецъ «Озерной школы». — Томасъ Карлайлъ (род. въ 1795 г.), распространитель нѣмецкой литературы въ Англіи и замѣчательный историкъ; фанатический консерваторъ.

Такой образъ мыслей и дѣйствія есть истинно нравственная философія, есть лучшее человѣческое достояніе; достигнувъ этого блага, вы можете, какъ хороший зодчій, созидать истину на любви, въ пользу всѣхъ людей, и дѣянія ваши будутъ во всѣхъ отношеніяхъ такъ же истины, какъ ваши слова.

VIII. Въ наше время нерѣдко встрѣчаются молодые люди, на лицѣ которыхъ явно написано: «меня ничѣмъ не удивишь!» Это весьма непривлекательный классъ *передовой молодежи* нашей страны, и притомъ классъ безнадежный, если только тенденція ничему не удивляться, проявляющаяся во всемъ ихъ существѣ, не есть скоропреходящая юношеская афекція. Способность удивляться, какою обладалъ Платонъ, есть исто-философскій аспектъ; чѣмъ болѣе у насъ этой способности, разумѣется, при почтительномъ сердцѣ и ясномъ, открытомъ взорѣ, тѣмъ лучше. Что аспектъ этотъ долженъ быть особенно силенъ при вступлениі въ жизнь, весьма понятно и естественно; недостатокъ же его въ юношѣ обличаетъ или отсутствие впечатлительности, или равнодушіе, эгоизмъ и самодовольство, встрѣчающіеся иногда въ соединеніи съ нѣкоторою смѣтливостью, которая поверхностными наблюдателями легко можетъ быть принята за истинный талантъ. Въ противоположность этому въ высшей степени неестественному и прискорбному душевному состоянію, мы совѣтуемъ каждому молодому

человѣку развивать въ себѣ *почтительность*^{*)}). Вы быть-можеть не найдете и слѣда этой добродѣти въ демократическихъ заявленіяхъ, которыми такъ восхищаются въ наше время; но тѣмъ не менѣе она истинная соль души.

«Мы живемъ изумлениемъ, надеждою и любовью.»

Мы созданія малыя, и единственная надежда наша сколько-нибудь возвеличиться заключается въ томъ участіи, которое мы принимаемъ въ величіи вселенной. Въ Первомъ соборномъ посланіи Иоанна Богослова есть прекрасное мѣсто (гл. 3, 2), въ которомъ обозначена вся философія этого предмета нѣсколькими мѣткими словами: «Возлюбленные! мы теперь дѣти Божіи; но еще не открылось, что будемъ. Знаемъ только, что, когда откроется, будемъ подобны Ему, потому что увидимъ Его, какъ Онъ есть». Это значитъ: созерцая типъ совершенства и восторгаясь имъ, мы можемъ приблизиться къ этому типу. Что человѣкъ неиспорченный въ такихъ случаяхъ видитъ, тому онъ удивляется, а чому удивляется, тому и подражаетъ. Согласно стоикамъ, главною цѣлью человѣка должно быть: *Spectare et imitari mundum* (созерцать міръ и подражать ему), — прекрасная мысль и прекрасно выражена. Но какимъ образомъ человѣкъ можетъ созерцать, смотрѣть,

^{*)} Въ «Вильгельмъ Мейстеръ» Гёте дается совѣтъ развивать въ юношествѣ почтительность троихъ рода: почтительность къ тому, что *надъ* нами, что *подъ* нами и что *равно* намъ. См. «Годы странствованія Вильгельма Мейстера», кн. II, гл. I.

если онъ лишенъ способности удивляться, которая руководить имъ? И какъ подражать тому, чего не знаешь? — Всякая истинная оцѣнка есть результатъ яснаго пониманія и благородной страсти; привычкою же презирать вещи и людей и считать ихъ ничтожными — одинъ изъ факторовъ, необходимыхъ для полученія полнаго результата, ослѣпляетъ, а другой убиваетъ.

IX. Въ нравственной области существуютъ принципы воодушевленія и принципы регулированья. Любовь и почтительность, о которыхъ мы говорили, относятся къ первымъ, а *воздержаніе*, о которомъ мы будемъ говорить теперь, къ послѣднимъ. Воздержаніе — добродѣтель, о которой молодые люди обыкновенно не имѣютъ и понятія, и недостатокъ которой имъ легко прощается; но тѣмъ не менѣе добродѣтель эта необходима, и если они не желаютъ научиться ей путемъ профилактическимъ, какъ выражаются врачи, т. е. заранѣе, прежде чѣмъ натолкнутся на опасность, то имъ очень скоро придется узнать ее путемъ опаснаго опыта. Совѣтъ — остерегаться невоздержности — горячей молодой крови кажется столь же дешевымъ, какъ и обиднымъ; но горячая молодая кровь, способная стремглавъ броситься на цѣлый лѣсъ выставленныхъ штыковъ, не можетъ судить объ осторожности, столь же необходимой для успѣшнаго исхода кампаніи, какъ и храбрость. Самый хладнокровный и практичес-

скій мыслитель всей древности и въ то же время человѣкъ самой обширной учености, Аристотель, одно имя которого уже ручается за вѣрность мнѣнія относительно всѣхъ предметовъ, постановилъ слѣдующее полезное правило для руководства въ трудномъ искусствѣ жизни: добротель, или мудрая дѣятельность, находится по срединѣ между двумя крайностями слишкомъ малаго и слишкомъ большого количества. Тѣ, которые только-что выступаютъ на жизненное поприще, какъ бы охочи они ни были до сильныхъ фразъ, сильныхъ страстей, разнудзанныхъ силь и чрезвычайныхъ зрѣлищъ всякаго рода, могутъ бытьувѣрены въ томъ, что чѣмъ болѣе они возмужаютъ, въ истинномъ смыслѣ этого слова, тѣмъ болѣе въ нихъ разовьется умѣренность во всѣхъ отношеніяхъ, и тѣмъ болѣе они признаютъ истину, что самые сильные и здоровые люди не тѣ, которые легкомысленно потворствуютъ своимъ влечениямъ, а тѣ, которые тщательно обуздываютъ ихъ. Такъ-наз. *похмелье* послѣ кутежа служитъ явнымъ доказательствомъ того, что природа была оскорблена и требуетъ возмездія. Всякая невоздержность есть зачатокъ самоубийства; это невидимый потокъ подъ домомъ, который, рано или поздно, подмоетъ его фундаментъ. То же самое относится и къ занятіямъ. Продолжительное и усиленное умственное напряженіе, особенно въ неблагодарной и безжизненной формѣ долбленія, разслабляетъ мозгъ, разстроиваетъ пищевареніе и вообще

вредно дѣйствуетъ на всѣ отправленія организма. Поэтому умѣрьте ваше рвение и въ этомъ отношеніи, пока еще есть время. Примѣненіе неистовыхъ способовъ должно привести и къ неистовымъ результатамъ, и сосудъ, получившій трещину, какъ бы искусно ее ни заклеили, никогда не выдержитъ того, что цѣльный. Мудрость, знаніе, вещь хорошая, но не хорошо быть всегда въ одинаковой степени мудрымъ. «Не будь слишкомъ мудръ: зачѣмъ тебѣ умирать не въ свое время!» Вспомните, кто сказалъ это.

X. Если Великобританія безспорно самая богатая страна въ мірѣ, и именно въ такой степени богатая, что Сидней Смитъ^{*)}, всегда остроглумный и всегда разсудительный, счѣль себя вправѣ сказать, что это «единственная страна, гдѣ бѣдность порокъ»: то конечно чрезвычайно важно, чтобы каждый молодой человѣкъ, выступая на жизненное поприще въ такой странѣ, твердо запечатлѣль въ душѣ своей основной принципъ всякой нравственной философіи, что дѣйствительное достоинство человѣка заключается не въ томъ, что онъ *имѣетъ*, а въ томъ, что онъ *есть*. «Царствіе Божіе внутри васъ», а не во внѣ. Поэтому остерегайтесь нравственной заразы, которою болѣе или менѣе напитана атмосфера всякаго богатаго торгового или промышленного общества,—

^{*)} С.-Смитъ (1771—1845), известный сатирикъ и проповѣдникъ; основатель журнала Edinburgh Review (въ 1802 г.).

заразы, развивающей привычку опредѣлять достоинство человѣка болѣе по виѣшней его обстановкѣ, нежели по внутреннему благородству. Карликъ, взлѣзшій на высокую крышу, смотритъ вокругъ поверхъ головъ толпы, и этою выгодою, безъ сомнѣнія, обязанъ своему положенію. То же самое можно сказать и о богачѣ, который только богатъ: онъ пріобрѣтаетъ извѣстное общественное положеніе, и вслѣдствіе этого, быть-можетъ, имя его украсится прибавочными буквами M. P. (Member of Parliament, Членъ Парламента); но снимите такого господина съ искусственнаго его возвышенія и посмотрите ему пристально въ лицо: вы увидите, что это только подобіе человѣка, не стоящее того, чтобы съ нимъ помѣряться. Поэтому затвердите въ памяти своей, что въ общественной жизни почти нѣтъ ничего презрѣннѣе богача, который чванится своимъ богатствомъ. Именно тѣмъ, что онъ такъ высоко цѣнитъ виѣшнее, онъ измѣнилъ характеру своей породы и извратилъ полюсы человѣческаго достоинства. Пусть будетъ у васъ столько денегъ, чтобы вы могли уплатить счетъ вашего портного, а если можно, то и столько, чтобы вы могли содѣйствовать пищеваренію хорошимъ стаканомъ вина; но никогда не стремитесь къ наживѣ и скопленію богатствъ. Сократъ, Платонъ, Аристотель, св. апостолъ Павелъ (Первое посл. къ Тим. VI, 9) — все единогласно утверждаютъ, что сколачиваніе денегъ — занятіе неблагородное, и что тотъ, кто цѣнитъ выше всего деньги, менѣе всего

цѣнить себя. Ищите опоры лишь въ своемъ нравственномъ и умственномъ достоинствѣ, и вы убѣдитесь со временемъ, что во всей странѣ не найдется ни герцога, ни миллиона, которые бы могли въ чемъ-либо превзойти васъ.

XI. Я вовсе не намѣренъ давать здѣсь перечень всѣхъ добродѣтелей, — для этого обратитесь къ Аристотелю; но не могу пройти молчаниемъ одно качество характера, составляющее существенный элементъ нравственного величія и вѣрный залогъ успѣха всякаго рода — именно *настойчивость*. Я никогда не встрѣчала человѣка сколько-нибудь дѣльного, который, коль скоро ему предстояла какая-нибудь трудная работа, не сумѣлъ бы справиться съ нею и довести до конца. Поэтъ Вордсвортъ разсказываетъ въ своей «Экскурсіи», что въ тотъ самый моментъ, когда онъ собирался совершить восхожденіе на гору, небо покрылось тучами; тѣмъ не менѣе онъ отправился въ путь по той причинѣ, что хотя и непріятно промокнуть на дождѣ, но отказываться отъ принятаго уже разъ намѣренія, въ виду могущаго встрѣтиться неудобства, опасно для характера. Это весьма справедливое замѣченіе. Мы живемъ не въ такомъ мірѣ, въ которомъ позолительно было бы падать духомъ отъ пустяковъ. Существуетъ достаточно дѣйствительныхъ трудностей, съ которыми приходится бороться; но бороться съ такими трудностями значить жить, а одолѣ-

вать ихъ значить жить доблестно^{*)}). Одинъ изъ моихъ друзей, поднимавшійся на Бент-Круэченъ^{**)}, по достижениі мѣста, которое онъ принималъ за вершину, нашелъ, что настоящая вершина находится на двѣ англійскія мили далѣе къ западу, и что дорога туда ведетъ вдоль неровнаго, каменистаго хребта, по которому идти усталымъ ногамъ чрезвычайно трудно. Но этого мало: вершина стала укрываться въ туманѣ, и до солнечнаго заката оставалось не больше часу. Поэтому онъ благоразумно рѣшился ближайшимъ путемъ сойти внизъ. Но что онъ сдѣлалъ на другое утро? Онъ сталь снова подниматься на гору и принялъ завтракъ свой на самой высокой вершинѣ, дабы, какъ онъ говорилъ, имя этой прекраснѣйшей горы нашей страны въ душѣ его не сочеталось на всегда съ чувствомъ стыда и неудачи. Такой человѣкъ, будьте увѣрены, будетъ имѣть успѣхъ во всемъ, что бы онъ ни предпринялъ. Никогда не останавливайтесь передъ трудностью, особенно же когда принимаетесь за какую-нибудь новую работу. Aller Anfang ist schwer — всякое начало трудно, говоритъ нѣмецкая пословица; и чѣмъ достойнѣе задача, тѣмъ больше и трудность. Халяпа та хала — прекрасное трудно. Дѣйствительно, трудная дѣла одни только и стоятъ совершать, и они совершаются рѣши-

^{*)} Гёте говорить: «Быть человѣкомъ значить быть борцомъ».

^{**)} Гора въ Шотландіи, имѣщая двѣ вершины, одну на высотѣ 1680, а другую на 1695 метровъ отъ поверхности моря.

тельною волею и крѣпкою рукою. Въ мірѣ дѣянія воля есть сила, а твердая воля — побѣда, за исключеніемъ развѣ только, когда обстоятельства ужъ черезъ чурь неблагопріятны; но и въ такихъ случаяхъ настойчивость нерѣдко пролагаетъ себѣ путь къ неожиданному успѣху. Прочтите біографію Фридриха Великаго, и вы поймете, что это значитъ. А кто при первой неудачѣ унываетъ, того счастье покидаетъ.

Въ заключеніе я дамъ еще нѣсколько указаний относительно того, какими путями всего лучше достигать нравственнаго совершенствованія.

XII. Прежде всего, конечно, необходимо имѣть опредѣленное и твердое убѣжденіе въ томъ, что одно только даетъ человѣческой жизни значеніе и достоинство, именно нравственная сила, и что сила эта достижима только дѣятельностью. Если вы воображаете, что въ этомъ отношеніи вамъ много помогутъ книги, аргументы, умствованія и ученье лиспуты, то вы жестоко ошибаетесь. Книги и разговоры, дѣйствительно, могутъ возбуждать и поощрять васъ; они быть-можетъ послужатъ вамъ и указателемъ, который не позволитъ вамъ при первомъ же выходѣ сбиться съ пути: но они ни на шагъ не подвинутъ васъ впередъ; весь путь долженъ быть пройденъ вашими собственными ногами, словомъ, тутъ необходимо дѣйствовать. Указатели очень полезны, когда и гдѣ вы ихъ встрѣтите; но чѣмъ скорѣе вы научитесь обходиться

безъ нихъ, тѣмъ лучше; ибо очень недолго придется вамъ путешествовать по торнымъ дорогамъ: скоро вы выйдете на покрытыя туманомъ болота, топи и пустыни, и горе вамъ въ такомъ случаѣ, если вы на пути своемъ пріучились соображаться съ однimi лишь указателями и верстовыми столбами! Вы должны имѣть вѣрный компасъ въ собственной душѣ своей; иначе вы принуждены будете, для своего спасенія, довѣриться первому попавшемуся спасителю, который быть-можетъ заблудился лишь немногого менѣе васъ. Поэтому препояшьте чре-сла свои и испытайте ту великую истину, что, какъ бѣгать можно научиться только посредствомъ бѣга, скакать посредствомъ скаканья и фехтовать посредствомъ фехтованья, такъ и жить нравственно можно научиться только, дѣй-ствуя нравственно при каждомъ представляющемся случаѣ. Если вы уклонитесь отъ первого испытанія вашего мужества, то будете тѣмъ слабѣе при второмъ; а если слѣдующее и еще слѣдующее за тѣмъ испытанія застанутъ васъ въ расплохъ, то вы неминуемо погрязнете въ пошлости. Пловецъ пріобрѣтаетъ необходимую ему силу плыть противъ теченія тѣмъ, что часто кидается навстрѣчу большимъ волнамъ. Если вы плаваете всегда только въ мелкой водѣ, то при половодье сердце ваше непремѣнно дрогнетъ. Общія мѣста о грѣховности и спасеніи не помогутъ вамъ на пути къ блажен-ству. Какъ въ путешествіи верстовые столбы должны исчезать одинъ за другимъ позади

васъ, иначе вы будете стоять на мѣстѣ: такъ точно и на великомъ пути нравственной жизни должна исчезать одна мизерность за другой, или вы погибли.

XIII. Нѣмецкій юмористъ Жанъ-Поль говоритъ, что одно изъ лучшихъ средствъ противъ нравственного унынія состоить въ томъ, чтобы въ самыя мрачныя минуты приводить себѣ на память самыя свѣтлыя минуты жизни; точно такъ же полезно, въ грязной борьбѣ и зараженной нерѣдко атмосферѣ обыденной жизни носить съ собой очистительное вліяніе высокаго идеала человѣческой жизни, выразившейся горячо и мощно. Люди суевѣрные носятъ на груди амулеты; вы же носите въ груди избранный запасъ святыхъ словъ, и вы будете лучше ограждены отъ вражескихъ силъ, чѣмъ даже богыханъ, охраняемый повсюду стражей. Такія слова вы-сказаны многими замѣчательными людьми, начи-ная съ Калидазаса и Будды на востокѣ до Пиоагора, Платона, Аристотеля и Эпиктета на западѣ; но особенно богато изречениями истинно золотыми, и потому вполнѣ достойными быть твердо запечатлены въ памяти, Св. Писаніе, т. е. Ветхій и Новый завѣтъ. Правда, біблія — книга толстая или, вѣрнѣе сказать, это не книга, а большая литература на маломъ пространствѣ; поэтому быть-можетъ я тутъ ничего лучшаго сдѣлать не могу, какъ означить нѣсколько книгъ или главъ, особенно цѣнныхъ для каждого че-ловѣка. Прежде всего, конечно, назову Нагор-

ную проповѣдь (Матео. 5—7), за тѣмъ 13 главу Перваго посланія къ коринионамъ, за тѣмъ Евангеліе отъ Иоанна, далѣе Соборное посланіе апостола Іакова; Первое и Второе посланія къ Тимоѳею; 8-ю главу Посланія къ римлянамъ; 5-ю и 6-ю главы Посланія къ ефесянамъ и тѣ же главы Посланія къ галатамъ. Въ Ветхомъ завѣтѣ ежедневный опытъ все яснѣе и яснѣе раскроетъ вамъ глубокую мудрость Притчей Соломоновыхъ. Для руководства въ жизни нельзя найти книги лучше этой, и я помню, какъ бывшій директоръ нашъ *Ли*, хорошо знавшій Шотландію, съ полною увѣренностью утверждалъ, что страна наша не малою долею своего практическаго ума, которымъ она славится, обязана раннему знакомству съ этимъ сборникомъ практической мудрости, который въ прежнія времена издавался отдельно и находился въ рукахъ каждого человѣка. Для часовъ благоговѣйнаго размышленія, понятно, лучше всего подходятъ Псалмы великаго царя-пѣснопѣвца, и между ними я болѣе всего рекомендовалъ бы молодымъ людямъ псалмы 1, 8, 19, 24, 32, 37, 49, 51, 53, 73, 90, 103, 104, 107, 131 и 133. И псалмы эти должны бы не только читаться до тѣхъ поръ, пока душа наша не наполнится благотворнымъ и глубокимъ благоговѣніемъ, но, положенные на соответствующую имъ музыку, и распѣваться, пока вокругъ насъ не образуется постоянная атмосфера чистаго и возвышенаго чувства. Это и есть то *сердечное образованіе*, о которомъ съ такимъ краснорѣ-

чиемъ говорить великий древній язычникъ Платонъ въ нѣкоторыхъ лучшихъ главахъ своей «Республики».

XIV. Быть-можетъ важнѣе еще для истинно достойной жизни, чѣмъ память, наполненная священными изреченіями, — воображеніе, богато украшенное геройскими образами; другими словами: не существуетъ болѣе вѣрного способа сдѣлаться добрымъ и великимъ, чѣмъ раннее знакомство съ жизнью добрыхъ и великихъ людей. Насколько простирается мой опытъ, никакая проповѣдь не дѣйствуетъ такъ сильно на насъ, какъ примѣръ великаго человѣка. Тутъ подвигъ является совершеннѣмъ передъ нами, — совершеннѣмъ дѣйствительно, — притомъ нерѣдко подвигъ, о возможностяхъ котораго намъ и не снилось, и онъ громогласно твердитъ намъ: „Идите и поступайте такъ же!“ Почему же нѣтъ? — Конечно, не всякий можетъ быть героемъ, и не всякий день представляется случай для геройскаго подвига; но если вы не можете совершить то же самое, то можете совершить что-нибудь *подобное*; если вамъ и не дано такое высокое и обширное поприще, какъ другому, то вы тѣмъ не менѣе можете на вашемъ маломъ поприщѣ выказать такое же похвальное постоянство и мужество. Каждый человѣкъ можетъ извлечь пользу изъ примѣра истинно великихъ людей, если только будетъ стремиться къ усовершенствованію и надлежащимъ образомъ пользоваться обстоя-

тельствами. Измѣрять величіе людей по обширности поприща, на которомъ они дѣйствуютъ, или по той славѣ, которая распространяется въ мірѣ обѣ ихъ дѣяніяхъ, — жестокое заблужденіе. Знаменитый Мольтке, засѣдая въ военномъ совѣтѣ наканунѣ битвы, которая сдвинетъ центръ тяжести всей западной политики, дѣйствуетъ по правилу житейской мудрости, примѣненіе которого требуетъ такой же сообразительности и чуткости, такого же ума и такта оть Головы какого-нибудь провинциального города, когда онъ проектируетъ мѣры къ оздоровленію города или новый налогъ для увеличенія городскихъ доходовъ. Да, нерѣдко выше всѣхъ бываетъ нравственный героизмъ, о которомъ говорятъ менѣе всего и который совершаются въ низшихъ сферахъ и кругахъ, наименѣе замѣтныхъ. Поэтому пусть юное воображеніе ваше, какъ можно раньше, вращается въ великихъ картинахъ галереяхъ и храмахъ славы героеvъ всѣхъ временъ и странъ; тогда оно будетъ постоянно побуждать васъ стремиться къ добру, и, въ виду такого „облака свидѣтелей“, вы устыдитесь совершить какую-либо низость. Если вы хотите знать, что значитъ *вѣра*, то предоставьте кальвилистамъ и арминианамъ мудрствовать лукавого догматахъ; вы же прочтите и переработайте въ себѣ прекрасную одиннадцатую главу Посланія къ евреямъ, и вы навсегда будете спасены отъ хитро-сплетенныхъ сѣтей теологического словопрепнія. Въ этой превосходной главѣ великий апостоль

даетъ сжатый обзоръ способа поучать посредствомъ конкретныхъ примѣровъ, которыми Св. Писаніе такъ богато, а новѣйшія проповѣди наши такъ бѣдны. Когда я посмотрю на нашихъ молодыхъ людей, развалившихся на диванѣ и зубоскальничающихъ надъ тѣми жалкими карикатурами человѣчества, которыми наполнены страницы Теккерея и другихъ популярныхъ романистовъ, то зачастую недоумѣваю, какого рода человѣческая жизнь можетъ развиться изъ ранней привычки къ глумленію или, въ лучшемъ случаѣ, къ забавѣ, въ такой возрастѣ, когда серьѣзность и искреннее изумленіе — единственное сѣмя, изъ которого можетъ развиться какое-либо благородство души въ будущемъ. Что касается до меня, то я откровенно признаюсь, что я никогда не могъ чему-либо научиться у Теккерея; даже лучшіе характеры его страдаютъ нѣкоторою приторностью, и хотя они и не производятъ на читателя того непріятного впечатлѣнія, какъ его дурные характеры, тѣмъ не менѣе они отнюдь не привлекательны. Одна изъ лучшихъ греческихъ книгъ, бывшая когда-то въ рукахъ всѣхъ, теперь же, опасаюсь, отошедшая далеко на задний планъ, — *Плутархъ*^{*)}. Вотъ вамъ и для юношества, и для зрѣлаго возраста, въ образѣ живыхъ примѣровъ различнѣйшаго рода, толь матерьяль, изъ котораго развивается истинно-

^{*)} «Я съ большими наслажденіемъ читаю переводъ Плутарха», говорить Дж. Ст. Миль въ своей автобиографіи.

человѣческая дѣятельность. Не обладая тѣмъ тонкимъ чутьемъ ко всякому истинно-человѣческому величию и тѣмъ живымъ сочувствіемъ ко всякой человѣческой слабости, которая съ такимъ блескомъ проявляются въ классической картинной галлереѣ этого древняго беотіца, наши точные историки-критики теряютъ всякое воспитательное значеніе. Поэтому пусть молодые люди стремятся къ близкому знакомству не съ глупостями, странностями и уродливостями, выставляемыми въ вымышленныхъ повѣстяхъ, но съ дѣйствительною плотью и кровью человѣческаго героизма, изображаемаго на лучшихъ страницахъ биографій. Аѳинянинъ *Периклъ*, великодушно приказывающій рабу своему взять свѣтильникъ и учтиво проводить до дома грубаго обидчика; нѣмецкій монахъ *Лютеръ*, который, обувши ноги свои благовѣстiemъ мира и опоясавшись мечомъ Духа, смѣло ратуетъ противъ цѣлой фаланги угрожающихъ ему кесарей и кардиналовъ; малоизвѣстный пасторъ *Оберлинъ* въ отдаленномъ нагорномъ приходѣ Эльзаса, отказывающійся отъ высшей должности въ столицѣ и обращающій свою небольшую епархію въ нравственный и физический рай, — вотъ великие неизмѣнныe факты, которые должны бы были, подобно шипамъ, вонзиться въ сердце юношества. Никто не можетъ противорѣчить факту; лучшіе вымышленные разсказы, если не заключаютъ въ себѣ глубокаго нравственного смысла, подобны пѣнѣ, играющей въ радужныхъ цвѣтахъ: въ этотъ моментъ она

прекрасна, но при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра она разлетится въ прахъ.

XV. Гораздо полезнѣе еще, чѣмъ зеркало величія въ биографіяхъ великихъ людей, — живое вліяніе такихъ людей, если вы такъ счастливы, что можете придти съ ними въ непосредственное соприкосновеніе. Лучшія книги только искусствы машины для возбужденія нашей высшей природы; но онѣ дѣйствуютъ на насъ лишь косвенно и слишкомъ слабо; притомъ же онѣ могутъ не являться вовсе у васъ на столѣ, а стоять въ пыли на отдаленой полкѣ и быть вовсе не близки вашему сердцу. Живой же великий человѣкъ, перекрещивающій вашу дорогу, производить вокругъ себя электрическое дѣйствіе, отъ котораго вамъ не ускользнуть, если только вы не лишены впечатлительности ко всему благородному. Слѣпой, конечно, не видить, а мертвый не чувствуетъ, и нерѣдко встрѣчается извѣстный классъ людей, — въ своемъ родѣ быть-можетъ весьма почтенныхъ, — въ душѣ которыхъ появленіе даже Спасителя вызвало бы только мысль: «Онъ одержимъ бѣсами!» Положимъ однако, что вы не изъ числа книжниковъ и фарисеевъ, а юноша, вступающій въ жизнь съ почтительною восприимчивостью и тонкимъ чувствомъ, какъ подобаетъ благовоспитанному юношеству: въ такомъ случаѣ непосредственное соприкосновеніе съ истинно-великимъ человѣкомъ будетъ для васъ величайшимъ счастьемъ. И чѣмъ ближе будутъ ваши отношенія къ нему, тѣмъ лучше;

ибо въ человѣкѣ, отличающемся не только большимъ умомъ, но и высокою нравственностью, большая близость даетъ возможность узнать и большія достоинства. Чувствовать, какъ по всему тѣлу пробѣгаєтъ электрическій токъ горячей человѣчности при соприкосновеніи съ какимъ-нибудь Чальмерсомъ, Меклоудомъ или Бунзеномъ *), для сильно впечатлительного юноши гораздо важнѣе, чѣмъ вся мудрость древнихъ грековъ, вся ученость нѣмцевъ и вся прозорливость шотландцевъ. Пусть при видѣ такого живительного вліянія умники ухмыляются, а фарисеи хмурятся, сколько хотятъ, — вы знаете, въ кого вы увѣровали, и вы вѣрюете, потому-что видѣли, и ростете счастливымъ ростомъ, и жилы ваши полны сока, потому-что вы привиты къ стволу истинной виноградной лозы. Если же вамъ не суждено испытать на себѣ животворную силу великаго нравственнаго солнца, то вы все-таки не предоставлены произволу окружающихъ васъ нравственныхъ вліяній. Если вы и не всегда можете избѣжать міазмъ безнравственного общества, то во всякомъ случаѣ можете держаться въ отдаленіи отъ него. Лишь весьма рѣдко житейскія обстоятельства слагаются такъ невыгодно, что молодой человѣкъ не имѣть возможности выбирать себѣ товарищѣй. При выборѣ же ихъ

*) Robert-Chalmers — известный англ. писатель и распространитель популярныхъ книгъ. Henry Dunning Macleod — замѣчательный англ. политико-экономъ. О Бунзенѣ см. примѣч. выше, на страницѣ 59.

помните, что нравственная зараза, подобно заразительному веществу физическихъ болѣзней, значительную долю силы своей почерпаетъ изъ слабости того лица, къ которому пристаетъ. Поэтому дайте себѣ честное слово никогда не сближаться съ людьми, которые желаютъ повести васъ въ притоны праздности и разврата. Никакое веселіе, никакое чувственное удовольствіе не можетъ вознаградить васъ за то оскверненіе, которому подвергается ваша нравственная природа при близкомъ общеніи съ самыми низкими и гнусными исчадіемъ человѣческаго общества. Порокъ не можетъ быть терпимъ. Мы можемъ, да, мы обязаны оплакивать грѣшника, но не должны играть грѣхомъ. Вспомните обѣ участія Роберта Борнса *). Въ пѣсняхъ своихъ онъ умѣль отлично получать, но жизнь его была жалкою ироніею его поученій и невольно напоминаетъ намъ саркастическое слово Плинія: «Самое надменное и самое жалкое существо въ мірѣ — человѣкъ». Остерегитесь послѣдовать примѣру этого несчастнаго барда, одареннаго отъ природы горячую кровью и великимъ талантомъ, которые въ глазахъ современниковъ его служили еще нѣкоторымъ оправданіемъ его предосудительной жизни. Пусть общество ваше будегъ, по возможности, лучше васъ самихъ; если же вы, къ несчастію, принуждены вращаться въ средѣ

*) Robert Burns (1759 — 96) величайший шотландскій лирикъ, погибшій физически морально всѣдѣствіе легкомыслія и разгульной жизни.

худшихъ, то всѣми силами старайтесь приподнять ихъ къ себѣ, — для чего, конечно, потребуется столько же умнья, сколько и любви; иначе они не замедлять притянуть васъ къ своему низкому уровню.

XVI. «Пусть люди до многаго доходятъ собственнымъ опытомъ», сказалъ стариикъ Гёте, «но да не пытаются жить на обумъ»; если же вы не желаете проводить дни ваши зря, то должны будете отдавать себѣ, въ опредѣленное время, отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ. Люди торговые предохраняютъ себя отъ долговъ тѣмъ, что по возможности за все платятъ тотчасъ же наличными деньгами, или же, если это невозможно, разсчитываются въ опредѣленные короткіе сроки. Такъ же точно мы должны поступать и относительно нравственныхъ обязанностей своихъ. Лучшія морскія карты и точнѣйшіе компасы не принесутъ никакой пользы тому, кто не привыкъ правильно ихъ употреблять. Въ этомъ отношеніи знаменитая практика древнихъ пієагорейцевъ представляетъ намъ отличный образецъ.

«Да не смежитъ сонъ очей твоихъ, прежде чѣмъ ты трижды перечислилъ дѣянія дня. Куда направлялись шаги твои? Что наиболѣе пригоднаго совершилъ ты для себя? Какого добра не исполнилъ? И проведя итогъ, сотри дурное съ душевнымъ сокрушениемъ и радуйся добру»

Никто, по моему мнѣнію, не достигнетъ высокаго совершенства въ томъ, что однимъ замѣчательнымъ богословомъ названо «божественною жизнью въ человѣческой душѣ», не имѣя опредѣленныхъ периодовъ уединенія и не пользуясь

зусь этимъ уединенiemъ для важной цѣли самопознанія и самоусовершенствованія. «Размѣслите въ сердцахъ вашихъ, на ложахъ вашихъ, и утѣшитесь», говоритъ царственный псалмопѣвецъ.

«Кто со слезами свой хлѣбъ не єдалъ,
Кто никогда, отъ пеленъ до могилы,
Ночью на ложѣ свою не рыдалъ,—
Тотъ васъ не знаетъ, небесныя силы!»

(Гёте.)

Это хорошо извѣстныя слова поэта, котораго отнюдь нельзя упрекнуть ни въ піетизмѣ, ни въ приторной сантиментальности. «Солнце да не зайдетъ во гнѣвѣ вашемъ», говоритъ апостолъ Павелъ. Всѣ эти изреченія ясно указываютъ на пользу такихъ положенныхъ часовъ для нравственной провѣрки, которая предписывалась еще пієагорейцами и для которой и нынѣ еще во всѣхъ христіанскихъ странахъ назначенъ воскресный день. Безъ сомнѣнія, еврейская Суббота первоначально была установлена для физического отдыха; и нельзя не радоваться тому, что этотъ гигіенический элементъ вошелъ также и въ составъ христіанского «дня Господня», учрежденного исключительно для религіозныхъ цѣлей. Но при такомъ періодически повторяющемся досугѣ, освобождающемъ человѣка отъ гнета ежедневныхъ утомительныхъ занятій, весьма неразумно поступаетъ тотъ, кто не посвящаетъ хоть нѣкоторую часть этого досуга серьѣзной работѣ нравственнаго самоиспытанія. Иностранныи зачастую рѣзко порицали такъ-наз. у шотландцевъ «строгое со-

блуденіе» воскреснаго дня; по порицателямъ этимъ слѣдовало бы принять во вниманіе, что значительною долею той солидности, трезвости и вообще положительности, которыми отличается национальный характеръ шотландцевъ, народъ этотъ обязанъ именно серьезному и средоточенному празднованию воскресенья. Вѣчная смута и суета жизни, столь характеристичная у нашихъ кельтическихъ сосѣдей по ту сторону Канала, легко порождаютъ опрометчивость и легкомысліе, которая проникаютъ въ область даже самыхъ террѣзныхъ дѣлъ и отнюдь не совмѣстимы съ истиннымъ величиемъ. Если мы, шотландцы, придаемъ набожности нашей нѣсколько мрачный характеръ тѣмъ, что по воскресеньямъ не поемъ, то французы навѣрное починали бы второй день недѣли гораздо солиднѣе и достойнѣе, еслибы серьезнѣе проводили первый.

XVII. Говоря о важномъ отправлениі самопытания, нельзя конечно не упомянуть и о молитвѣ. Въ нашъ научный вѣкъ, когда все подвергается анализу, секціи и схематизаціи, проявляется сильная тенденція говорить о знаніи, какъ о силѣ, которой все подчинено. Но положеніе, что «знаніе есть сила» *), вѣрно только тамъ, гдѣ требуется именно знаніе. Существуетъ однако нѣчто высшее, чѣмъ знаніе; существуютъ живыя силы. Въ нравственномъ

*.) «Ipsa sc'entia potestas est.» Bacon.

же мірѣ двигательную силу составляетъ, конечно, не знаніе, а стремленіе горѣ, и стремленіе это окрыляется молитвою. Если въ человѣкѣ нѣть этого стремленія, то душа его пресмыкается и не можетъ возноситься выспрѣ. Не думаю, конечно, что кто-нибудь сталъ бы молить Провидѣніе о томъ, чтобы оно, ради исполненія его желаній, хоть на мгновеніе измѣнило міровые законы: для этого надо быть уже черезъ чурь занятымъ своею мален'кою личностью и слишкомъ мало знать величіе вселенной. Мы молимся не для того, чтобы достигнуть измѣненія Божихъ Судебъ, а для того чтобы наша человѣческая воля пріучилась покоряться Божьей волѣ. Насколько молитва наша будетъ услышана въ каждомъ отдельномъ случаѣ, не опредѣленномъ непреложно въ божественномъ сг҃блѣніи возможностей, — этого мы сказать не можемъ; но мы можемъ быть увѣрены, что самое естественное и дѣйствительное средство согласовать нашу лучшую природу съ источникомъ всего живущаго заключается въ постоянномъ душевномъ общеніи съ этимъ источникомъ и въ пріученіи себя къ той благовѣйной воспріимчивости, которая однотолько и подобаетъ творенію относительно Творца. Поэтому, молодой человѣкъ, оставайтесь всегда вѣрны чувству зависимости отъ верховнаго источника всѣхъ благъ. Это скорѣе и вѣрнѣе всего предохранить васъ отъ той пустой самоувѣренности и той наглой заносчивости, которая коренится, большею частію, въ сухомъ,

одностороннемъ и не согрѣтомъ любовью знаніи. Пусть то, что мы привыкли исполнять ежедневно передъ трапезой, какъ священный обрядъ, исполняется нами передъ каждымъ важнымъ дѣяніемъ нашей жизни, но не формально только, а съ сердечною теплотою. Идите въ битву, смѣлый юноша, подобно Давиду, держа камень на готовѣ и пращу въ рукѣ; но ратуйте за правое, хорошое дѣло, а не за дурное. Мечь ли, перо ли у васъ въ рукѣ, никогда не употребляйте ихъ въ духѣ дерзкой самонадѣянности или суэтнаго самопрославленія; и какъ въ минуты великой радости, такъ и въ дни печали и отчанія будьте всегда готовы воскликнуть: «Благослови меня, о благослови и меня, отецъ мой!»

Погрѣшности.

На стран. 34, строка 9 сверху, слѣдуетъ къ словамъ: *должны быть равны, прибавить—двумъ прямымъ.*

На стран. 71, строка 18 сверху, напечатано: *древнеримскомъ*, а должно быть—*древнеримскому.*

На стран. 76, строка 10 сверху, слѣдуетъ точку съ запятою замѣнить—*запяткою.*

На стран. 94, строка 6 снизу, напечатано: *мудрствовать лукавого догматахъ*, а должно быть—*мудрствовать лукаво о догматахъ.*

